



Удивительное рядом, но...

Конкурс КЛФ «Контакт»

Новокузнецк
2021

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»



Удивительное рядом, но...

Конкурс КЛФ «Контакт»

Новокузнецк
«Ник без Compaі»
2021

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
УЗО

УЗО **Удивительное рядом, но...** : конкурс КЛФ «Контакт» /
Центральная городская библиотека им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий
городской клуб любителей фантастики «КОНТАКТ». – Новокузнецк :
Ник без Сопрані, 2021. – 58 с.
12+

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Рассказы конкурса КЛФ «Контакт» 2020–2021 года «Удивительное
рядом, но...» Первые три рассказа – победители конкурса по решению
жюри. Ещё три рассказа – по выбору издателя.

**Список авторов
конкурса фантастического рассказа
«Удивительное рядом, но...»**

- Рассказ № 1 «Гриша» – **Александр Хорунжий**, г. Кемерово;
- Рассказ № 2 «Кракен» – **Сергей Белаяр**, Республика Беларусь, г. Брест;
- Рассказ № 3 «Гнездо» – **Татьяна Попова**, г. Москва;
- Рассказ № 4 «Ручей времени» – **Дарья Фомина**, г. Балашиха;
- Рассказ № 5 «Таёжная история» – **Наталья Резниченко**, г. Новокузнецк;
- Рассказ № 6 «Сказка рядом» – **Дмитрий Семёнов**, г. Новокузнецк;
- Рассказ № 7 «Верная душа» – **Елена Острых**, г. Новокузнецк;
- Рассказ № 8 «Специалист по мифологии» – **Нина Левина**, г. Керчь;
- Рассказ № 9 «Обратная связь» – **Дмитрий Железный**, Республика Беларусь, г. Минск;
- Рассказ № 10 «Наблюдатель» – **Татьяна Денисова**, г. Междуреченск;
- Рассказ № 11 «Впервые в Сибири» – **Валерий Ларин**, г. Новокузнецк;
- Рассказ № 12 «Последняя охота» – **Иван Мченский**, г. Новокузнецк;
- Рассказ № 13 «Абсолютное счастье» – **Светлана Кузьева**, г. Осинники, пос. Тайжина.

Решение жюри

1 место	– № 3	– 4+5+5+0	= 14
2 место	– № 8	– 5+3+3+3	= 14
3 место	– № 2	– 0+4+4+4	= 12
4 место	– № 5	– 1+0+0+5	= 6
5 место	– № 13	– 3+0+2+0	= 5
6 место	– № 6	– 0+1+0+2	= 3
7-8 место	– № 4	– 2+0+0+0	= 2
7-8 место	– № 12	– 0+2+0+0	= 2
9-10 место	– № 1	– 0+0+1+0	= 1
9-10 место	– № 7	– 0+0+0+1	= 1

Результаты голосования на приз читательских симпатий

1 место – № 8	28 баллов
2 место – № 13	24 балла
3 место – № 3	17 баллов
4 место – № 12	13 баллов
5 место – № 6 и № 10	5 баллов
6 место – № 2 и № 4	4 балла
7 место – № 1	3 балла
8 место – № 5 и № 9	1 балл

Гнездо

– Яся, я больше не могу.

Лена повалилась на бок и закрыла глаза. Яся оглянулась, посмотрела на подругу, на петляющий между елями и кустами подлеска след от лыж, так непохожий на накатанную лыжню. Она знала, что стоит только на миг остановиться, рухнуть в мягкую снеговую перину – и уже не встанешь. Но не было сил убеждать в этом Лену. И себя – тоже.

Когда после завтрака на студенческой турбазе отправились кататься с горки, в синем небе сияло солнце, больше похоже на майское, чем на февральское. На крутом речном склоне было много народу.

– Давайте на тот берег рванём, – предложил Антошка, – там, в лесу, в паре километров, есть озеро и домик, где рыбаки зимой греются и уху варят. Мы с отцом там часто рыбачили. Мужики нас ухой угостят.

Недолго думая, отправились в путь. Антошка не обманул: минут сорок хода по лесной целине – и вот оно, озеро, и домик, и рыбаки, среди которых оказались и Антошкины знакомые, весёлые и навеселе. Рыба уже была выловлена, на дощатом столе дымился котелок с ухой и стояли початые бутылки водки. Гостям обрадовались, радушно пригласили присоединиться к компании.

– Не нравится мне это, – шепнула Ясе и Оле Лена, – надо увести ребят, пока не поздно.

– Да ладно тебе, – улыбнулась разбитная Оля, – никто насильно никого пить не заставляет. И ребят не так-то просто увести. Ничего, посидим немного, пообщаемся, и домой.

Оля уселась на скамейку рядом с Антоном, на которого давно уже положила глаз, Лена стояла в дверях, не расстегнув куртку, не сбросив капюшон и не сняв варежки. Яся, самая младшая в компании, растерялась. Здоровенный усатый парень, заметив замешательство девчонки в белой шапке с помпоном, направился к ней, улыбаясь во весь рот: «Иди сюда, Снегурочка, я тебя отогрею!» Яся вылетела из домика, Лена – за ней.

Только теперь они заметили, как изменилась погода. Небо посерело, солнца как не бывало, начался снегопад. Снег ли завалил лыжню или они сразу пошли не в ту сторону – неизвестно. Только вот уже три часа они бродят по лесу, но так и не вышли ни к реке, ни к турбазе, ни к какому-нибудь жилью.

Лена лежала, не шевелясь, снег заметал куртку, оседал на выбившихся из-под капюшона волосах, на длинных ресницах. Яся зачем-то отбросила в сторону палки и села рядом. «Почему-то совсем не холодно, – подумала она, – тепло, даже жарко. А, это от печки. Кажется, она называется буржуйка. Пахнет ухой. Я не люблю рыбу, но эта уха так вкусно пахнет. Но зачем устатый парень так противно улыбается? И почему в ухе – живая золотая рыбка? Надо вытащить её из ухи, чтоб не погибла!» Яся опустила пальцы прямо в кипящую уху, обожглась, отдернула руку и открыла глаза.

Снег, снег, снег. Всё белое, только красная куртка Лены кое-где просвечивает из-под снежного покрывала. И ещё какое-то голубое пятнышко там, где лежат брошенные палки. Пятнышко пошевелилось, подпрыгнуло и превратилось в нежно-голубую птичку.

Яся никогда раньше не видела таких чудесных птиц. Размером с синичку-лазоревку, но хвост длиннее, и вся – ярко-голубая, с тёмно-синим хохолком и блестящими чёрными глазами. Птичка прыгала по снегу, лукаво поглядывая на Ясю. Взлетела, сделала круг над девчонками и уселась на мех Лениного капюшона. Засвистела тоненьким голоском и клюнула Лену в щеку.

Лена открыла глаза. Птичка, испугавшись движения ресниц, отяжелевших от подтаявших снежинок, перепорхнула на ветку маленькой ёлочки.

– Где мы? – сиплым голосом спросила Лена.

– В лесу, – ответила Яся и, с трудом поднявшись, протянула руку подруге, – вставай, скоро стемнеет, нам надо поскорей вернуться и отогреться.

Помогая Лене подняться, Яся заметила, что птичка скрылась за высокими соснами с правой стороны лыжни. Взяв палки, Яся повела подругу туда, куда полетела голубая птица. Странно, но Лена шла довольно бодро, да и Яся уже не чувствовала ни тяжести в ногах, ни безразличия, ни страха. Через полчаса они вышли к реке. Смеркалось, на другом берегу светились огоньки турбазы...

...Ясю измучила бессонница. В половине пятого, отчаявшись, она поднялась, выпила кофе, убрала и без того чистую квартиру. Казалось, камень в груди давит и мешает уснуть. Предчувствие? Нет, об этом лучше не думать. Муж – там, откуда многие не возвращаются, а мысли, говорят, материальны. Муж... Яся и к слову этому не успела привыкнуть. Всё так быстро случилось, как в сказке: встреча, любовь, свадьба. Только в сказках у богатырей был выбор из трёх дорог, а у новоиспеченных офицеров выбора не было. И у жён – тоже.

Дела переделаны, на улице рассвело, на сердце по-прежнему тяжесть. Пора на работу. Может, там, среди людей, станет легче. По дороге к автобусной остановке, в маленьком сквере, Яся вспугнула

стайку птиц. И вдруг остановилась, не поверив своим глазам. Снегирь среди неприметных воробьев? Снегирь? В апреле? Да и снегирь ли это? Но птичка уже вспорхнула и исчезла.

Через неделю вечером раздался звонок, междугородний. С того дня, как Сергей уехал в командировку, Яся возненавидела неожиданные телефонные звонки, но сейчас она не боялась взять трубку. Знала – звонок принесёт радость. Потому уже неделю она прекрасно спала ночью и не чувствовала тяжести на сердце днём.

– Яся! Это я! Я в Ташкенте, послезавтра буду в Москве.

Про весеннего снегиря Яся мужу так и не рассказала, забыла. И он не рассказал ей о том, как был ранен. Он шёл по горной тропе первым. Снайпер промахнуться не мог, уж очень удачное место для выстрела, тропа, как на ладони. Сергей не сразу вспомнил, что случилось, но и вспомнив, не знал, что – правда, а что – игра воображения. Птица точно выпорхнула у него из-под ног, он от неожиданности отшатнулся, пуля попала не в грудь и не в живот, а в предплечье, навывлет. Но там, в горах, не водятся попугаи, не могла та птица быть ярко-алой...

– Коля, Юля, Серёжа, идите скорее сюда!

– Янина Станиславовна, что случилось?

Невестка прибежала первой, за ней топали мужчины. Яся жестом призвала всех к молчанию и показала на экран. Сын недоумённо переглянулся с женой, а Сергей, взглядевшись в лицо мужчины в белом халате, отвечающего на вопросы ведущего ток-шоу, сказал:

– Коля, это ведь тот врач, что тебя спас, когда тебе пять лет было. Он тебе операцию сделал, по новейшей методике.

Юля, зная от свекрови историю чудесного спасения своего будущего мужа, взяла Николая за руку.

– Но почему вы всё-таки решили стать врачом? – допытывался ведущий. – Ваш отец – литературовед, мать – скрипачка. Как возник у вас интерес к медицине?

– Тут замешана птица, – улыбнулся врач.

– Птица? – растерялся ведущий. – Какая птица?

– Зелёная. Если быть совсем точным – зелёный дятел. Мне тогда лет десять было, мы отдыхали на даче. Мальчишки нашли где-то подлётка зелёного дятла. То ли кошки его помяли, то ли сами мальчишки, но дятел был еле жив. А я его спас. И крыло сломанное вправил, и выкормить сумел. В общем, сначала я хотел стать Айболитом, а стал простым хирургом...

... – Славка, как же я рада, что ты смог приехать! Да ещё на Новый год, – Яся поцеловала брата в седую голову, – спасибо за подарки, они чудесные! А игрушки... Ты меня прямо в детство вернул.

– Малышке они тоже, похоже, нравятся, – Вячеслав с любовью наблюдал, как Ясина пятилетняя внучка, Аришка, рассматривает, перекладывает и осторожно вешает на ёлку привезённые им старые игрушки.

– Бабушка, дедушка Слава, посмотрите, что я нашла! – Аришка держала в одной руке маленький сундучок, а в другом – три пёрышка. Зелёное, красное и голубое. – Я нечаянно открыла сундучок, а там пёрышки.

Яся смотрела на пёрышки, пытаясь припомнить что-то очень важное, но давно и прочно забытое...

...Обиженная Яся сидела на полу и смотрела, как в темнеющем за окном детской небе кружатся снежинки. Она могла бы, пока никто не видит, забраться на широкий подоконник, посмотреть, гуляет ли во дворе подружка Катя, не разрушена ли ещё мальчишками снежная крепость, не возвращаются ли с ёлкой папа и Славка. Но Ясю, несмотря на все просьбы и уговоры, не взяли на ёлочный базар, не позволили самой выбрать ёлку. «Там много людей, инфекции полно, ты и без того без конца болеешь, не хватало ещё в праздники...» Можно подумать, Славка никогда не болеет! Ну и пусть, пусть сами покупают, ставят и украшают свою ёлку. Яся её и видеть не желает! Так и просидит на полу до самого Нового года.

Зазвенел звонок, клацнул дверной замок.

– Яся, ты только посмотри, какая чудесная ёлка! – позвала мама.

– Я выбирал, – похвастался Славка.

– Мы и гирлянду новую купили, – весело отчитался папа.

Ясе хотелось посмотреть и на ёлку, и на новую гирлянду, но обида не пускала её в прихожую. И в большую комнату, куда из прихожей перекатилась весёлая ёлочная суета, тоже не пускала.

– Яська, – дверь в детскую открылась, в комнату ворвался Славка, – ты что, заснула? Иди скорей, а то без тебя ёлку нарядим!

Яся хотела сказать, что не собирается наряжать ёлку, но через распахнутую Славкой дверь в детскую проник запах хвои. Яся, словно заколдованная, встала и, оставив на полу детской обиду, вошла в гостиную.

Мама не обманула: ёлочка, и правда, оказалась чудесной. Не слишком высокая, пушистая и пышная, как на старинных открытках, которые так нравились Ясе.

– Яся, выбирай игрушку, ты же всегда первая начинаешь украшать нашу ёлочку, – сказал папа.

Яся подошла к старому чемодану, в котором прятались под ватой игрушки, и, немного подумав, взяла девочку в сверкающей блестками

шапочке. Теперь надо постараться повесить игрушку так, чтобы она и видна была хорошо, и не упала. Яся раздвинула колючие ветви и...

– Ой!

– Что случилось? – встревожилась мама. – Укололась?

– Нет, не укололась. Мама, тут... гнездо!

Да, было чему удивиться! Не только маленькая Яся, но и мама, и папа, и даже бабушка с дедушкой никогда раньше не находили на новогодней ёлке самое настоящее гнездо. Какая-то неизвестная птичка свила его у ствола ёлочки, надёжно прикрепив к основаниям веток.

– Какое оно красивое, – восхитилась Яся, – жаль только, что пустое.

– А ты что, хотела, чтобы там яйца лежали? – засмеялся Славка. – Или птенцы сидели?

– Хотела, – серьёзно ответила Яся.

– Вот только яиц и птенцов нам не хватало, – сказала мама. И, посмотрев на папу, добавила: – Что делать с гнездом? Наверное, надо выбросить, мало ли какая в нём может быть инфекция...

Но договорить про инфекции маме не дали. Яся и Славка хором закричали, что никому ещё не доставалось такого счастья под новый год и что выбрасывать гнездо нельзя ни в коем случае.

– Не думаю, что гнездо опасно, – поддержал детей отец, – мы же его есть не собираемся. Пусть остаётся.

И гнездо осталось. Ёлку нарядили, и теперь разглядеть гнездо за игрушками и мишурой стало ещё труднее. Но Яся знала, что оно там, в пахучей ёлочной глубине, и ей казалось, что в их доме поселилось чудо.

Вечером мама, Слава и Яся пекли ёлочные игрушки. Как и год назад, замесили солёное тесто, потом Яся и Слава раскатали тонкие лепёшки. Мама ловко нарезала специальными формами для печенья сердечки, грибы, полумесяцы, звёздочки и цветы. Слава решил сделать Деда Мороза и Снегурочку, но у него ничего не получилось: тесто – не то, что пластилин, из него труднее лепить. В результате вышли два смешных снеговика.

– Ничего, раскрашу белой краской, на головы надену вёдра из фольги, будут, как настоящие, – заявил Славка, втыкая кусочки красной проволоки вместо морковок.

– Хорошо получилось, – похвалила мама, – а ты, Яся, что сделала?

– Яички, – сказала Яся и положила на противень три маленьких яйца.

– Почему именно яички? – удивилась мама. – И почему не сделала дырочку для ленточки или нитки? Как ты повесишь их на ёлку?

– Я не буду их на ёлку вешать. Я их в гнездо положу. Чтобы оно не было пустым.

Мама пожала плечами, но ничего не сказала. Зато Славка нашёл повод для новых шуток.

– Представляю, кто у тебя выведется из тестяных яиц. Булки и пирожки.
– А мне кажется, Яся правильно придумала, – поддержал дочку папа,
– я тоже считаю, что гнездо не должно оставаться пустым. Грустное зрелище: опустевшее гнездо. Как дом, в котором никто не живёт.

Яся очень любила раскрашивать игрушки из теста. Она сделала сердечки красными, цветы – синими с жёлтыми серединками, месяцы – золотыми, звёзды – фиолетовыми. Даже грибы получились разноцветными. Славка не пожалел белой краски для своих снеговиков. И только до трёх яиц ещё не дотронулась кисточка.

– Яся, уже поздно, пора спать. Раскрашивай скорее яички, убирайте краски, – сказала мама

– Мама, я не могу решить, какого цвета должны быть яйца. Мы же не знаем, чьё это гнездо.

– Не знаем, – согласилась мама, – поэтому можешь раскрасить, как хочешь.

– Покрась белым, – предложил Славка, – как будто это снежной птицы гнездо.

Но Яся не послушалась совета брата. Одно яйцо она покрасила зелёной краской. Второе сделала голубым, как летнее небо или цветок незабудки. Самым ярким, алым, получилось третье яйцо.

К утру краска на игрушках высохла. Слава поставил снеговиков под ёлку. К звёздочкам, месяцам, грибам, сердечкам и цветам мама привязала разноцветные ленточки. Часть игрушек повесили на ёлку, остальные приготовили для подарков друзьям. А яички Яся уложила в гнездо.

Ох, какая же чудная эта новогодняя ночь, какая весёлая и вкусная! Гости, игры, забавные конкурсы! А подарки, которые Дед Мороз и Снегурочка каким-то волшебным образом подложили под ёлку!

Глаза у Яси уже слипались, но она упрямо отказывалась идти спать.

– Хорошо, – схитрила мама, – не хочешь спать, просто полежи в кровати, отдохни, а мы пока уберём со стола и приготовим комнату для новых игр.

Яся поняла, что на новые игры у неё и вправду не осталось сил, и через пятнадцать минут уже спала сладким сном. И Слава спал, а папа с мамой вышли из гостиной. Поэтому никто не видел, как в ветвях ёлки вдруг вспыхнули и тут же погасли три огонька.

В первый день нового года раньше всех проснулась Яся. Сначала она пересчитала подарки, найденные накануне под ёлкой, и с облегчением вздохнула: всё на месте, волшебство не рассеялось, и ей не приснилось, что Дед Мороз расщедрился на чудесные коньки, новое платье и куклу с приданым. Яся хотела поиграть с куклой, но вдруг, о чём-то вспомнив, побежала, стараясь не слишком громко шлёпать тапками, в гостиную. Яся, звякнув игрушками, развела ветви

ёлки и заглянула в гнездо. Она, никому не признаваясь, мечтала о том, что в новогоднюю ночь из её яичек волшебным образом вылупятся настоящие живые птички. Но, увы, в гнезде не было ни птичек, ни раскрашенных яиц из солёного теста. Только три маленьких пёрышка, зелёное, голубое и ярко-красное, лежали на дне гнезда.

Яся всхлипнула, но сдержала слёзы. Ими не поможешь горю, только маму разбудишь. И мама не поможет, а Славка только посмеётся над Ясиной бедой. Яся вытащила пёрышки из гнезда и, немного подумав, спрятала их в сундучок. Только Яся знала, что эта старинная ёлочная игрушка – с секретом, что маленький сундучок, умещавшийся на Ясиной ладони, открывается, если нажать в нужном месте на крышечку. Яся повесила сундучок на ёлку и вернулась в детскую...

Нина ЛЕВИНА

г. Керчь

Специалист по мифологии

Звёзды гасли одна за другой на бледно-голубом небе, лёгкие облачка над горизонтом превращались в розовую дымку рассвета, клубы прозрачного пара рассеивались над водной поверхностью. Под нежные звуки арфы дуновение ветра всколыхнуло зеркальную гладь, подёрнуло её рябью, взволновало до мелких пенных гребешков и замерло в ожидании чуда. Мелодия нарастала, пена сбилась к центру бассейна, воспарила под лучами восходящего солнца и начала преобразовываться в прекрасную обнажённую женщину. Капли влаги заблестели на молочно-белой коже, рука целомудренно прикрыла грудь, густые, огненно-рыжие волосы спустились до самых пят, обвивая соблазнительные бёдра. Со дна поднялась огромная морская раковина прямо под ноги красавицы, подхватила её и устремилась к бортику бассейна. Женщина ступила маленькими изящными ступнями на холодные облицовочные плиты и сделала несколько шагов по направлению к виновнику торжества. Она взглянула на него с обворожительной улыбкой и произнесла голосом Мэрилин, известной кинодивы прошлого тысячелетия:

– С Днём Рождения, мой господин! Будь счастлив!

Протянула руки, на секунду открыв взглядам свои прелести, и вмиг рассыпалась разноцветными искрами, с хрустальным звоном растворилась в воздушном сиянии, как волшебное сказочное видение... На несколько секунд повисла напряжённая тишина.

– Ох, и хорош бабеч! – наконец выговорил именинник, нервно промокнув пот, выступивший на лысине. – Вот спасибо за подарочек! Угодили!

Толпа собравшихся гостей разразилась восторженными аплодисментами и криками: «С Днём Рождения!» Специально приглашённый оркестр грянул попури, подходящее торжественному моменту, зазвенели бокалы, загудели голоса, прерываемые взрывами хохота – веселье по случаю Дня Рождения Главы корпорации продолжилось.

К стоящему в отдалении Стёпе, всё ещё сжимающему в руках пульт управления, подбежал возбуждённый помощник секретаря, занимавшийся заказом подарка:

– Всё отлично! – Он ободряюще хлопнул Стёпу по плечу. – Шеф доволен твоей работой! Венера вышла, что надо!

– Я рад, – проговорил Стёпа.

– Вторая часть суммы уже перечислена на счёт вашей компании и солидный бонус на твой личный счёт в качестве поощрения.

– Благодарю! Приятно иметь дело с щедрыми заказчиками. Обращайтесь, как появится повод.

– Ну, на мифологии у нас только шеф повёрнут, – доверительно сообщил помощник. – Чувствуется старая школа ценителей прекрасного.

Стёпа невольно поморщился, вспомнив, определение «хорош бабец», вылетевшее из уст «ценителя прекрасного» по отношению к греческой Афродите или Венере, как её называли римляне.

– Заместители и начальники отделов больше тяготеют к космическим или мистическим персонажам, – продолжал помощник, – есть даже любители народного фольклора.

– В компании «Трепет мечты» работают специалисты различных направлений, – заученно проговорил Стёпа, – от оформителей парков и детских праздников до высококлассных создателей божественных и мифологических образов.

Стёпа горделиво улыбнулся – сам он ещё два года назад обслуживал выездные утренники для малышей на природе, работая над образами персонажей из детских сказок. В его арсенале было множество заготовок зайчиков, лисичек, колобков, мышек, весёлых гномов, добрых фей и прочей мелкоты. Работа вполне приятная, хотя не слишком доходная, но на объёме выходил весьма неплохой процент, исправно перечисляемый компанией. Только Стёпе всегда хотелось чего-то более грандиозного. Космические пейзажи его не привлекали, магические существа тоже набили оскомину, зато он вовремя обратил внимание на возросший интерес у сильных мира сего к древним мифологическим божествам и принялся активно самосовершенствоваться, изучая это направление.

Вскоре подвернулся счастливый случай показать своё мастерство. Единственный в компании специалист по греческой мифологии неожиданно заболел при весьма загадочных обстоятельствах и оповестил директора о немедленном увольнении по состоянию здоровья. Уговоры и угрозы

с требованием вернуться на работу не подействовали. Зависли заказы с произведённой предоплатой, а их невыполнение в срок грозило выплатой большой неустойки. К Стёпиному счастью, специалисты других мифологических направлений были завалены своей работой, и он рискнул предложить директору услуги, согласившись на «ученическую» ставку.

К созданию первого образа Стёпа подошёл со всей серьёзностью, и результат превзошёл ожидания, как заказчицы, престарелой актрисы лёгкого жанра, так и директора компании, мигом оценившего невероятный талант нового специалиста. Три подвига Геракла, воссозданные им в просторной спальне старушки, получились потрясающе реалистичными. Над отработкой пейзажной части пришлось сильно потрудиться, особенно над непроходимым лесом в горах и болотом с клубящимися зеленоватыми испарениями. Справившись с Немейским львом, Лернейской гидрой или Эриманским вепром (в зависимости от выбранной опции), загорелый, мускулистый красавец Геракл подходил к восседающей на кровати бывшей актрисе, падал перед ней на колени и произносил прерывающимся от страсти глухим голосом:

– О, несравненная! Позволь припасть к твоим ногам!

Старушка жеманно поджимала губы и с презрением отворачивалась от назойливого поклонника. Геракл скорбно вскрикивал, хватался рукой за сердце, каменел, превращаясь в фонтан сочащихся слёз, а потом таял в загадочной дымке, чем приводил заказчицу в неопишуемый восторг. Геракл, созданный Стёпой, имел невероятный успех в тусовке артистической богемы, и в «Трепет мечты» посыпались один за другим заказы на греческую мифологию. Много было мелочёвки, но, как ученик, Стёпа поначалу брался за всё и не прогадал – его работы были замечены и оценены окружением людей с очень высокими доходами. Заказы пошли дорогостоящие, основательные, требующие тонкого индивидуального подхода.

Стёпа с гордостью вспоминал композицию, созданную в шикарном особняке на Лазурном берегу для встречи гостей одного нефтяного магната. Вдоль облачных склонов Олимпа спускались дети Зевса – близнецы Артемида и Аполлон, на ходу сбрасывая воздушные хитоны и демонстрируя великолепные обнажённые тела. Они галантно подводили восхищённых гостей к хозяину и склонялись перед ним в раболепном поклоне.

А какую пикантную сцену встречи Деметры и Персефоны, кстати, тоже дочери Зевса, преподнесли в подарок владельцу агрохолдинга его партнёры по бизнесу! Стёпе пришлось немало потрудиться, зато полученные на счёт поощрительные бонусы приятно грели самолюбие. Надо отдать должное Стёпе – он не просто воспроизводил образы, а

был очень увлечён греческой мифологией, изучая сложные внутрисемейные отношения прославленных олимпийцев. За два года через его руки прошла череда греческих богинь и богов разных уровней и степени родства, но наибольшим спросом пользовалась Афродита-Венера. Её часто заказывали в качестве подарка крупным руководителям и владельцам банков в основном по мотивам картины Боттичелли, хотя и на сюжет Кабанеля – покачивающаяся на волнах лежащая прелестница с парящими над ней купидонами – находились заказчики, но только для частных альковов.

Голос помощника секретаря вывел Стёпу из размышлений:

– Угощение к твоим услугам. Можешь пока присоединиться к гостям.

– Благодарю. – Стёпа кивнул. – Перекушу по-быстрому и поеду. Очень много работы. Инструкцию я оставил. Раз в полгода – профилактическое обслуживание, гарантия – два года.

– Кстати, кроме поздравления с Днём Рождения она что-то сможет сказать?

– Конечно, как договаривались. В зависимости от выбранной опции, она будет желать спокойной ночи, приветствовать с добрым утром, восхищаться внешностью своего господина, восхвалять его ум и так далее. Весь список фраз в инструкции. Будут вопросы – звоните, не стесняйтесь!

– Простите, вас зовут Степан? – Симпатичная стройная девушка тронула его за рукав пиджака.

– Для близких знакомых – Стёпа. – Мужчина приосанился, окинув беглым оценивающим взглядом незнакомку и решив, что она достойна его внимания.

– А меня зовут Лизавета. Я представляю департамент по благоустройству парковых зон города. Я видела некоторые ваши работы и хочу предложить сотрудничество.

– Мне? Работать в парковых зонах? – Первоначальный интерес к девушке постепенно рассеивался.

– Да. – Она взглянула на него большими серыми глазами под длинными ресницами. – Знаете, это так романтично, когда гуляющие по дорожкам люди будут наблюдать за жизнью диких зверей. Мы бы хотели воссоздать исчезнувшие виды и занесённые в Красную книгу.

– Милая Лизавета! – Стёпа галантно взял девушку под локоть. – Вы хоть представляете, сколько я получу за сегодняшнюю Венеру?

– Нет. – Лизавета покраснела. Стёпа склонился к розовому ушку и назвал сумму. – Неужели так много?! – воскликнула она.

– Да, моя дорогая! А вы говорите «дикие звери», «исчезнувшие виды». Найдите себе другого специалиста, подешевле. – Стёпа небрежно махнул рукой и направился к накрытому столу.

– Подождите! – Настойчивая Лизавета сунула ему что-то в карман пиджака. – Это моя визитка. На всякий случай. Вдруг передумаете.

Взмывая к верхнему этажу небоскрёба в прозрачном бесшумном лифте, Стёпа волновался. И не только потому, что боялся высоты и неуютно чувствовал себя в присутствии двух мрачных секьюрити, а как-то беспокойно было на душе. Всё время, пока он работал над новым заказом, неожиданно возникало чувство тревоги и накатывало мрачное настроение. «Заработался, – думал Стёпа, поёживаясь от вида проносящихся вниз этажей. – Вот сдам этот заказ – и сразу закачусь куда-нибудь в отпуск. Чтобы только я, небо, песок и шум прибора».

Лифт остановился, двери разъехались в стороны, и Стёпа вышел следом за секьюрити, держа в руках чемоданчик с оборудованием.

– Леонид Михайлович ждёт вас! – Строгая секретарша осуждающе взглянула на Стёпу. – Уже целую минуту.

Сквозь ослепительную приёмную из хрома и глянцевой белизны он проследовал в просторный конференц-холл с двумя прозрачными стенами, открывающими вид на город с высоты птичьего полёта. Множество кресел вокруг столов, расставленных в форме вытянутой буквы «п», венчало рабочее место внушительных размеров Главы концерна. Именно он являлся заказчиком новой работы и сейчас сидел в кресле, вперив в Стёпу тяжёлый взгляд. Это был крупный мужчина средних лет, слегка полноватый, с волевым подбородком и плотно сжатыми тонкими губами. Из-под нахмуренных бровей на Стёпу смотрели стальные глаза жёсткого по натуре человека.

– У вас всё готово? – не тратя драгоценное время на приветствия, спросил заказчик.

– В общих чертах, да. – Стёпа бегло оглядел холл и принялся устанавливать оборудование. – Сейчас я произведу пробный пуск, а вы укажете, что нужно доработать.

– Подождите в приёмной, – велел Леонид Михайлович охране, и оба секьюрити вышли. – Лишние глаза и уши мне здесь не нужны.

– Вы точно хотите, чтобы он восседал у вас за спиной? – Стёпа нерешительно взглянул на заказчика, прикрепляя датчики эмоционального воздействия на спинку его кресла.

– Не восседал, а возвышался! – уточнил Леонид Михайлович. – В клубах свинцово-серых туч! Раскатами голоса заставлял дрожать стёкла и метал громы и молнии! Разумеется, в тех, на кого я ему укажу. Они скоро доиграются! Я их отучу интриговать за моей спиной! Сковырнуть меня решили!

Глава концерна вскочил и принялся нервно вышагивать по конференц-холлу. Лицо его покрылось красными пятнами, и Стёпа с

тревогой наблюдал за ним, одновременно занимаясь подсоединением к системе каждого кресла. Краем уха он слышал, что в концерне произошёл крупный скандал, закончившийся выходом в самостоятельное плавание нескольких крупных компаний и инсультом Главы, прославившемся своей жёсткостью, граничащей с хамством по отношению к нижестоящим. После выздоровления он подготовил решительное «наступление» на своих недругов, но врачи категорически запретили ему нервничать, и кто-то из партнёров посоветовал обратиться в «Трепет мечты».

– Что ж, у меня всё готово. – Стёпа взял в руки пульт управления. – Можно приступать к демонстрации.

– Они будут трястись от страха? – с надеждой спросил заказчик.

– Ну я бы, пожалуй, тряся. – Стёпа пожал плечами.

– Хорошо. Я проверю воздействие на себе. – Глава концерна решительно уселся в одно из кресел, стоящих вдоль столов. – Начинайте!

– Но у вас же со здоровьем...

– Помилуйте! Я столько лет возглавляю этот концерн! Лицом к лицу встречался с восемью Президентами разных стран, избежал трёх покушений и был дважды женат! Неужели меня испугает созданный вами образ?

– Эту иллюзию тяжело отличить от реальности.

– Вот и посмотрим!

– Ладно, – согласился Стёпа, – вам решать. Что он должен произнести из оговоренных опций?

– Пожалуй, фраз «по миру пушу» и «Сибирь плачет» для демонстрации будет достаточно.

Стёпа кивнул и запустил программу. В зале начало темнеть от собирающихся под потолком тёмных грозовых туч, в воздухе отчётливо запахло озоном и повисло эмоциональное напряжение. Словно вдалеке послышались нарастающие раскаты грома. За центральным креслом Главы концерна за клубились облака, а потом разошлись в стороны, открыв взглядам огромный трон с восседающей на нём могучей фигурой Зевса. Лёгкий хитон наискось охватывал широкоплечий торс, золотой обруч из лавровых ветвей обрамлял голову, густая курчавая борода спускалась на грудь. Гром грянул совсем рядом, сильный порыв ветра пронёсся по залу. Зевс нахмурил брови, сжал руки в кулаки и поднялся во весь рост. Голова его оказалась в ореоле из грозовых туч, в которых сверкали вспышки беззвучных молний. Под управлением Стёпы олимпиец подался вперёд, указал левой рукой на бесстрастно взвизгивающего Леонида Михайловича и пророкотал:

– По тебе давно Сибирь плачет!

В правой руке у Зевса возникла толстая молния. Он размахнулся и с силой швырнул её в Главу. Стёпа услышал, как позади что-то грохнуло

– на секунду обернулся и заметил упавшего без сознания одного из секьюрити, заглянувшего на шум. Второй подхватил его под мышки и потащил обратно в приёмную. Молния охватила сиянием Главу концерна и мгновенно рассыпалась множеством искр, сопровождаясь оглушительным громовым раскатом. На лице Леонида Михайловича не дрогнул ни один мускул, и Стёпа продолжил демонстрацию. Зевс взревел, топнул ногой, вызвав дрожание земли, из туч над головой извлёк две извивающиеся молнии и метнул их в заказчика со словами:

– В одних трусах пуцу тебя по миру!

Переплетаясь в воздухе, со страшным свистом молнии достигли своей цели и растворились в воздухе под очередной раскат грома.

– Стоп! Стоп! Стоп! Никуда не годится! – Глава концерна трижды хлопнул в ладоши и хмуро взглянул на Стёпу.

Тот отключил звуковые и эмоциональные эффекты, оставив Зевса стоящим в клубах облаков, и в удивлении посмотрел на заказчика. Признаться, он ожидал увидеть восторг от своей работы, а не выражение недовольства на лице.

– Слабенько! Очень слабенько! – резюмировал Леонид Михайлович. – Всё это выглядит как бутафорская комедия, а мне нужны сильные чувства! Страх! Преклонение! Понимание, что за моей спиной сам громовежец, и от его гнева не удастся скрыться!

– Хорошо, – пробормотал Стёпа, – я изменю настройки эмоций и звуков. Попробуем ещё раз?

– Давайте.

Стёпа не стал повторять появление Зевса, а сразу перешёл к его действиям и словам. Громовежец снова дважды угрожал и пускал молнии в сидящего Леонида Михайловича. Гром гремел повсеместно, перекрывая дикий свист ветра, земля содрогалась, и Стёпе казалось, что даже прозрачные стены офиса вибрируют. Наконец, демонстрация закончилась, и в зале повисла гнетущая тишина. Стёпа даже взмок от волнения.

– Мне очень жаль, – наконец изрёк Глава концерна, встав с кресла и направившись к нему, – потраченное время и деньги. Судя по всему, вашу компанию перехвалили. Я – человек лояльный и весьма демократичный, но не могу согласиться принять такую слабую работу. Вы словно не слышите моих требований, а между тем они вполне обычны и, думаю, не представляли бы сложностей для другого специалиста.

Стёпа сглотнул застрявший в горле ком, руки предательски задрожали. Он хотел решительно возразить, но прошептал чуть слышно:

– Простите, я всё понял. Дайте мне два-три дня на исправление ситуации.

– Какое исправление? – заказчик презрительно усмехнулся. – Тут не исправлять, а заново всю концепцию менять надо!

– А может так тебе больше понравится? – неожиданно пророкотал Зевс, с хрустом расправляя плечи.

Стёпа в удивлении уставился на него. Такие слова не были заложены в программе, да и жест этот он не припоминал. Неужели нечаянно нажал что-то на пульте управления? Он взглянул на него и обмер – светился только жёлтый индикатор блокировки.

Между тем в конференц-холле всё снова пришло в движение. Заклубились грозовые тучи, засвистел ветер, послышались раскаты грома. Небрежным движением мощной ноги Зевс отбросил в сторону стоящий перед ним стол Главы концерна. Тот проломил стеклянную стену и вылетел наружу в зияющий проём.

– Интересное решение, – проговорил Леонид Михайлович, с опаской отступая к двери, ведущей в приёмную.

В огромном кулаке Зевса запульсировала яркая молния. Со словами «Умри, смертный!» олимпиец швырнул её в сторону Главы концерна.

Комната содрогнулась, когда молния пробила насквозь стену, оставив широкую обугленную дыру.

– А вот это мне уже нравится! – воскликнул Леонид Михайлович. – Очень натурально! Молодец! Продолжай!

Не в силах сопротивляться инстинкту самосохранения, он выбежал за дверь и принялся с любопытством наблюдать за происходящим сквозь образовавшийся пролом. Из-за его спины выглядывали испуганные лица одного из секьюрити и секретарши.

Ошалевший от страха Стёпа замер посреди конференц-холла, не сводя глаз с разбушевавшегося Зевса. Он уже отключил всё оборудование, но образ громовержца не исчезал, а продолжал жить своей жизнью. Правитель Олимпа громко расхохотался, мимоходом швырнул две шаровые молнии, разнеся в щепки дверь в приёмную, а потом обратил свой взор на трепещущего специалиста по греческой мифологии.

– Ну так что?! – гаркнул он. – К смерти готов?!

– Это вы мне? – пролепетал Стёпа.

– А кому же ещё?! – Зевс нахмурился. – Есть ли на земле более дерзкий нахал, чем ты?

– Но что я сделал? Почему вы угрожаете мне смертью?

– Мерзавец! – вскричал Зевс, выхватывая из облака молнию. – Он ещё спрашивает! Стон и плач стоит над Олимпом! Так издеваться над моими детьми, жёнами и прочими родственниками! Выставлять их на потеху обычным смертным в качестве прислуги! Дожились! Несравненные богини и боги кланяются в ножки каким-то проходимцам! Гераклу-то ладно, ничего с ним не сделается! Он грубый мужлан, ему не привыкать! Лишь бы не Авгиевы конюшни

чистить! А вот Афродита с лица сошла! Все уши мне прожужжала, требуя наказания для надругавшегося над ней негодяя!

– Неужели это настоящий Зевс? – Стёпа помотал головой, отгоняя видение. – Не может быть! Я сплю. Кто-нибудь! Разбудите меня! – Он беспомощно огляделся по сторонам. Из пролома в стене одобрительно улыбнулся Леонид Михайлович и тут же спрятался за плечом секьюрити.

– Разбудить тебя?! Братья! Ко мне! – пророкотал Зевс, вставил пальцы в рот и неожиданно пронзительно свистнул, совсем по-хулигански.

От свиста обрушилась оставшаяся стеклянная стена, у Стёпы заболело в ушах, и он стиснул их руками. Со страшным воем и шумом в конференц-холле закрутились воронки вихрей, разметав в стороны кресла и столы. Снаружи послышалось дикое ржание, и в холл, прямо с воздуха, ворвалась колесница, запряжённая четвёркой скалящих зубы гиппокампусов – чудовищных морских коней. Грозный Посейдон с развевающимися волосами и длинной бородой, потрясая острым трезубцем, умело правил этим древним транспортным средством.

– О нет, только не Посейдон! – в страхе воскликнул Стёпа, зная крутой нрав повелителя морской стихии. Если с Зевсом ещё можно было договориться, то его влиятельный брат отличался особой вспыльчивостью и жестокостью.

– В Тартар его! – захохотал Посейдон, указывая трезубцем на Стёпу. – Или ввергнуть в глубину пучин! Хотя бы на дно Марианской впадины!

– Нет! Не надо! – воскликнул специалист по мифологии, падая на колени и с мольбой простирая руки к Зевсу. – Я больше не буду! Честное слово! Пощадите меня! – Он уткнулся головой в пол и не заметил, как весело переглянулись Зевс с Посейдоном.

– Тартар или пучина! – заревел Посейдон.

– Это мы всегда успеем, – проговорил Зевс. Стёпа поднял голову и с надеждой взглянул на олимпийца. – Я склонен простить. Но только один раз, – поспешил уточнить громовец. – А ты что скажешь, брат Аид?

Перед стоящим на коленях Стёпой разверзся пол. Из взметнувшихся языков пламени и повалившего чёрного дыма появилась мрачная высокая фигура, закутанная в тёмные одеяния.

– Аид, – прошептал Стёпа помертвевшими губами.

Зубы застучали друг о друга от страха, когда хозяин подземного царства взглянул на него из-под нахмуренных, угольно-чёрных бровей. Издали донёсся жуткий собачий вой, от которого у Стёпы сердце рухнуло в пятки.

– Пусть поживёт. Пока, – процедил сквозь зубы Аид, возвышаясь над трясушимся мифологом. – Но наказать надо. Это тебе за мою

любимую жену Персефону! – Он размахнулся и с силой вlepил Стёпе оплеуху, от которой у того посыпались звёзды из глаз и зазвенело в голове. – А это за обожаемую тещу Деметру!

Вторая оплеуха подбросила Стёпу в воздух, он перекувыркнулся и плюхнулся прямо в колесницу под ноги Посейдону. Повелитель морских стихий захохотал, гиппокампусы дико заржали, и колесница понеслась ввысь к облакам, прочь из здания. Стёпа заорал от ужаса, дёрнулся вперёд и получил от Посейдона удар трезубцем по голове. В мозгу специалиста по мифологии ярко вспыхнуло солнце, а в следующий миг сознание погрузилось в кромешную тьму...

...Во рту расстилалась безжизненная песчаная пустыня, колючки впились в шершавый язык, перекаати-поле застряло в горле.

– Пить, – еле слышно пробормотал Стёпа, провёл сухим языком по растрескавшимся губам и проснулся.

Солнечный свет больно ударил по глазам, голова раскалывалась от мучительных пульсирующих ударов в темени и висках, глоток воды представлялся недостижимой мечтой. Стёпа застонал и сел в постели. «Где же это я вчера так набрался?» – подумал он, тщетно пытаясь вспомнить прошедший день, но наталкиваясь на тёмный провал в памяти. Кряхтя и постанывая, он направился в кухню, удивляясь, что не удосужился даже снять пиджак и брюки перед сном. С наслаждением выпив целую бутылку воды, Стёпа почувствовал себя лучше, подошёл к зеркалу и вскрикнул от ужаса. Из отражения на него смотрел поседевший, взлохмаченный мужчина с огромным распухшим ухом и ярко-красной отметиной на лбу в виде трезубца. В голове тут же вспыхнула чёткая картинка воспоминаний – презентация работы, Зевс, Аид, колесница Посейдона. Ноги стали ватными, и Стёпа опустился на пол, дрожа всем телом. Неожиданно раздавшийся звонок смартфона, заставил его подскочить от страха. Убедившись, что это всего лишь директор «Трепета мечты», Стёпа успокоился и взял себя в руки.

– Ты куда пропал? – возбуждённо кричал директор. – Мне уже трижды лично звонил Леонид Михайлович! Ты его потряс! Он доволен предварительной демонстрацией! Как тебе пришла в голову идея добавить в композицию Посейдона и Аида?

– Они меня не спрашивали, – пробормотал Стёпа. – Сами заявили.

– В общем, убытки от разрушенного офиса Леонид Михайлович согласен списать, если через три дня ты представишь окончательный вариант. Всё то же самое, только чуть меньше реализма! Ты меня понял? Немедленно приступай к работе!

– Нет! – Стёпа взвизгнул, не узнав собственный голос. – Всё! С меня хватит! Я увольняюсь!

В смартфоне повисла пауза.

– Ты там что? Приболел? – участливо спросил директор.

– Да! Я заболел!

– А мне кажется ты оборзел, Степан! Живо начинай работать! И так уже целый день потерял! Заказчик...

– В гробу я видал вашего заказчика! – заорал Стёпа. – И вас вместе с ним! И всех этих Зевсов, Афродит с Аполлонами и Посейдонами в придачу! Ищите другого дурака! Меня больше нет! Я умер! Заболел! Улетел на Юпитер! Всё!

– Ты об этом сильно пожалеешь! – грозным голосом проговорил директор. – Ни одна компания не возьмёт тебя на работу! Уж я позабочусь об этом!

– Да и катитесь все!

В сердцах Стёпа швырнул смартфон о стену и в изнеможении разлёгся прямо на полу. Итак, жизнь закончена. Карьера оборвалась, работа по специальности больше не светит, а ничего другого, кроме создания реалистичных образов, Стёпа не умеет. Накопления закончатся через месяц-другой, и придётся идти в официанты, продавцы или разносчики пиццы. Будущее рисовалось в мрачном свете. Стёпа почувствовал себя самым несчастным человеком на земле, всхлипнул и засунул руку в карман пиджака в поисках носового платка. Пальцы нащупали кусок плотной бумаги, оказавшийся смятой визиткой.

– Муниципальный департамент по обслуживанию парковых зон, – прочитал Стёпа и вспомнил симпатичную Лизавету, предлагавшую ему работу.

Фантазия быстро нарисовала в голове грациозную антилопу, пасущуюся среди зелёной равнины и гордого снежного барса, мягко перепрыгивающего с одного каменного валуна на другой. Среди этой идиллии бродят восхищённые посетители парка с детьми. А для детей у Стёпы есть море заготовок зайчиков, лисичек, колобков, мышек, весёлых гномов и добрых фей. Хотя нет, с гномами и феями на всякий случай лучше пока не связываться. А что? Стёпа потрогал распухшее ухо. Деньги будут платить небольшие – зато никаких мифологических богинь и богов! Дикие безобидные зверюшки – гарантия личной безопасности! А девушка-то из департамента какая хорошенькая! В памяти всплыли лучистые серые глаза под длинными ресницами и соблазнительная фигурка с плавными изгибами. Гордячке Афродите в пору локти кусать от зависти! Он дотянулся до треснувшего, но работающего смартфона и решительно набрал номер Лизаветы.

Кракен

*Below the thunders of the upper deep;
Far, far beneath in the abysmal sea,
His ancient, dreamless, uninvaded sleep
The Kraken sleepeth: faintest sunlights flee.*
Альфред Теннисон. «The Kraken» (1830)

– Как ты себя чувствуешь, Фрол? – поинтересовался судебный следователь Вилча Гавруш, нанося на шею слуги новые мазки эфирного масла мяты. Кожа у спутника имела ярко выраженный землистый оттенок.

– Помираю я, Вилча Альгердович, – слабым голосом пожаловался слуга.

– Не преувеличивай, Фрол. Это всего лишь банальный кинетоз. Или, иначе говоря, морская болезнь. Дискомфортно, но отнюдь не смертельно. Скоро пройдет.

– Надо было воздушный шар арендовать, – в который раз посетовал слуга. От таза под койкой по каюте первого класса распространялась кислая вонь, справиться с которой не помогал даже распахнутый настержь иллюминатор.

– Наше преимущество заключается в том, что господин Фриш не знает нас в лицо. И мы можем проследить за ним, не опасаясь раскрыть своё инкогнито. Аэростат выдаст нас головой. Тут даже птицы на глаза редко попадаются... Так что придётся потерпеть.

– Мочи моей больше нет, – признался слуга, который с лёгкостью гнул подковы. И так же легко разгибал их. – Отчего бы просто не заарестовать его?.. Сошли бы на землю в ближайшем порту. А дальше пусть местная полиция с душегубом разбирается. Господин Фриш ведь не в Российской империи убийство совершил.

– Но российского подданного... Необходимо установить, кто является заказчиком убийства, Фрол. Ответственность должны нести все, – паровой корвет «Колхидская ладья» оставил позади Мыс Доброй Надежды и взял курс на Бомбей. – В этом и заключается суть Закона: никакой избирательности и освобождения от наказания... Это ещё что?

На дощатом полу были разбросаны меловые руны. На первый взгляд – хаотично.

– Оберег, – нехотя поведал слуга. – Супротив Кракена.

– Никак не получается выдавить из тебя мракобесие, Фрол, – удручённо покачал головой судебный следователь. Источник искать не пришлось – на ночном столике лежал последний номер журнала «Вокруг света», раскрытый на богато иллюстрированной статье о мифическом морском чудовище. В глаза немедленно бросились имена и названия:

Олаф Магнус, «Historia de Gentibus septentrionalibus», Плиний Старший, «Naturalis historia», де Монфор «Histoire Naturelle Générale et Particulière des Mollusques», Карл Линней «Systema naturæ», «Bidrag til Norges Naturhistorie». – Вот прикажу тебя выпороть. Будешь знать, как голову всякой ерундой забивать. И внукам делать оное запретишь.

– Я же двумя руками за науку, Вилча Альгердович! – всполошился слуга. – Где тут мракобесие?

– Ни иконами, ни оберегами, ни магическими заклинаниями изменения реальности не остановить. Тут физика, геология и химия требуются... Кракен тебя чем так напугал?

– А вдруг он на «Колхидскую ладью» накинется и в глубину утащит?

– Мало, значит, тебе кинетоза? – судебный следователь тяжело вздохнул и оставил в памяти пометку при случае поговорить с главным редактором и попросить его делать иллюстрации менее живыми. А то некоторые принимают их за образы реально водящихся существ. Вкупе с настоящими потусторонними тварями, то и дело атакующими Землю, это может спровоцировать массовую панику. – Решил настрадаться вдосталь?

– Про Кракена умные люди написали, – не сдавался слуга. – Учёные. Со степенями.

Судебный следователь пробежал глазами по статье и произнёс:

– Короткий экскурс в историю и четыре правдоподобных версии происхождения. И ни единого слова о мистике. Я ведь говорил тебе, Фрол, что всякую новую информацию, даже исходящую от наипервейших авторитетов, следует подвергать жёсткой критике.

– Говорили, Вилча Альгердович, – мягко кивнул слуга и добавил: – И не единожды. Чем нещадней критика, тем оно лучше: меньше потом будет разочарований... Да только не дано людям, даже самым большим умникам, всего знать.

– Пока не дано, – поправил судебный следователь. – Но и того, что мы сейчас знаем, вполне хватает для заключения об отсутствии в нашем мире божественного начала.

– Я ж не спорю, Вилча Альгердович... Да только боязно очень. Череп вон у Риги на берег выбросило. Страшно подумать, какому существу принадлежит.

– Мозазавру семейства *Prognathodon giganteus*, – напомнил судебный следователь. – Ты что же, не слушал меня? Кому рассказывал?

– Слушал, Вилча Альгердович, – поспешил заверить слуга. Даже на койке привстал, изобразив отдалённое подобие строевой стойки. Правда, всего на несколько мгновений: дала себя знать слабость. – Вы ещё о нарвале рассказывали... Только люди другое видели. А кита от многонога...

– ...осьминога.

– ...даже я отличу... Мы без портсигара разве не сможем доказать, что это господин Фриш господина Хольмберга убил?

– Расследование ещё не закончено, Фрол, – портсигар, в который был вмонтирован пневматический самострел, Фриш, выдавший себя за коммивояжера, выбросил в море, как только «Колхидская ладья» отошла на две мили от Кейптауна. Завидное хладнокровие, которого так не хватало матросам, занятым на починке грузовой лебёдки. Верхняя палуба – не самое лучшее место для двухпудовых деревянных бочек с чёрным порохом. Пусть и накрытых принайтовленными пеньковыми верёвками парусиной.

– Разобрались с этим... как его?... мотивом, Вилча Альгердович?

– Начальная версия об убийстве по политическим мотивам находит всё больше подтверждений.

– Неужто социалисты такие ранимые? – удивился слуга.

– Скорее, не терпят никакой критики и инакомыслия, – сам судебный следователь не ощущал от качки и малейшего дискомфорта. А ведь вырос даже не на берегу реки. – Не дай Бог, возьмут власть, вся страна в крови потонет.

– Государь-император не позволит.

– Воли одного человека, пусть архихаризматичного, не всегда бывает достаточно... Если станет совсем неспособен, говори. Попрошу судебного врача попользовать тебя.

– Не отдавайте меня этому коновалу, Вилча Альгердович! – взмолился слуга.

– Зря ты наговариваешь, Фрол, – попенял судебный следователь, бессознательно постукивая тростью по рунам. – Господин Хендерсон, хоть и обладает таким недостатком, как молодость, уже достаточно опытен... Ты слышал?

– Будто выдохнул кто... – глаза слуги округлились. – Кракен!

В драке Фрол мог выйти один против троих. И даже пятерых, если те будут без оружия. Однако сейчас слуга напоминал перепуганного до смерти ребёнка. Ещё чуть-чуть – и заплачет.

– Брось, Фрол. Существо «размером с остров» и «с десятью тысячами щупалец» разорвало бы волнами даже в слабый шторм. Уверен, не ошибусь, если скажу, что речь идёт о колонии...

– Вот, опять... – слуга вжался в койку и сделался совсем белым.

А судебный следователь шагнул к иллюминатору. Сумерки были готовы вот-вот уступить место ночи, однако света убывающей Луны оказалось вполне достаточно, чтобы рассмотреть...

...множество щупалец, которые хищно вцепились в борт парового корвета.

Получается, правда.

Развить мысль не получилось – паровой корвет качнулся, тревожно забила рында, послышались испуганные голоса, кто-то матерно выругался по-английски.

– Оставайся в каюте! – велел судебный следователь и, на ходу проверяя, готов ли револьвер Смита-Вессона к бою, устремился на верхнюю палубу.

– Я вас в беде не брошу, Вилча Альгердович! – движимый долгом, слуга выскочил из каюты как был – в нательном белье и босой, но с медным канделябром. – Человеком зовусь, а не скотиной бессловесной. Басурмане и те своих на растерзание супротивнику не оставляют.

Паника началась с истошного женского визга. Он рассёк темноту подобно ланцету.

«Колхидская ладья» резко накренилась, и только реакция судебного следователя не позволила ему врезаться головой в переборку. На верхнюю палубу Гавруш вылетел в тот момент, когда сразу в трёх местах вспыхнуло пламя от расколовшихся керосиновых ламп.

Описание кракена больше не казалось ничем не сдерживаемым полётом фантазии – щупалец было так много, что они закрыли и небо, и океан. И ни секунды не оставались без движения. Настоящий лес из сказок, записанных братьями Гримм.

Краем глаза отметив, что кто-то из матросов полетел за борт от удара щупальцем, судебный следователь открыл огонь. Несмотря на то, что в третьей модели револьвера ствол укоротили до шести с половиной дюймов, пуля калибра четыре целых две десятых линии обладала превосходной останавливающей способностью.

Видеть голову кракена судебный следователь не мог, поэтому стрелял по наитию. Как и следовало ожидать, шести патронов оказалось недостаточно. Щупальца брызгали кровью и чернилами, разлетались ошмётками, но продолжали упрямо хвататься за всё, что попадалось им на пути, безжалостно колотить по людям и сбрасывать их в воду. Кракена не пугал даже растекающийся по верхней палубе горящий керосин.

Тут требовалась митральеза Гочкиса.

Бледный как привидение Фрол бился со злым остервенением, совершенно не думая о себе. И откуда только силы взялись?.. Помогать слуге вызвались матросы и мужчины из числа пассажиров. Не имевшие револьверов хватали всё, что годилось в качестве оружия. Однако добровольцев было слишком мало. И не всякому удавалось устоять на ногах после удара тяжёлым щупальцем. Да ещё и на качающейся, словно колыбель, верхней палубе.

Шпага в трости, оставшаяся у судебного следователя, не могла заставить кракена отступить. Но и опускать руки Гавруш не собирался. Не в его характере пасовать перед трудностями.

Рискованное решение, требовавшее точного математического расчёта и крепкого вестибулярного аппарата, созрело мгновенно.

– Фрол, подсоби!

Слуга не стал задавать глупых и несвоевременных вопросов: проследив за рукой судебного следователя, кинулся к бочкам с чёрным порохом. Вернулся, когда судебный следователь заканчивал сооружать импровизированный фустибул из обрезков пеньковой верёвки, стрелы грузовой лебёдки и собственного пиджака.

– А поджечь как?

– Твоё дело – раскрутить! – судебный следователь ударом каблука сломал доску в одной из двух вложенных в пята бочек. С таким расчётом, чтобы обломки вывалились после первого же тычка. Вслед за тем забрался на металлическую стрелу. – Давай! Верти!

Подниматься и опускаться грузовая лебёдка временно не могла, но поворотный механизм оставался исправным. Слуга навалился на стрелу всей своей массой. Но прошла целая вечность, прежде чем грузовая лебёдка, наконец, сдвинулась с места.

На всё меньше секунды, тем не менее судебный следователь справился: как только набравший достаточную скорость фустибул оказался напротив кракена, ткнул шпагой-тростью в пролом в бочке, а затем обратным ходом разрубил верёвку.

Бочки, теряя тугой струйкой чёрный порох, полетели в самый клубок щупалец.

Второй попытки не будет: «Колхидская ладья» накренилась под опасным углом – перевернётся, мало кому посчастливится спастись. Если вообще будут выжившие.

Шведская спичка дала искру сразу. Чёрный порох не впитал ни единой капли влаги – огненная дорожка за считанные доли секунды соединила испорченный модный пиджак и пробитую бочку. Полыхнуло раз. На второй взрыв получился мощнее.

Стало светло как солнечным днём, и судебный следователь убедился в том, что все четыре версии объяснения природы кракена можно было смело отбросить как ложные. Точнее, построенные без учёта всех фактов.

В огненном облаке кракен распался на стаю гигантских кальмаров. *Architeuthis dux*, *Mesonychoteuthis hamiltoni* или *Enteroctopus dofleini*. Издали не рассмотреть. Да и какая разница? Пусть потом специалисты разбираются.

Паровой корвет резко опустился на днище в высоких фонтанах брызг и совершенно нечеловеческих воплях.

– Фрол?

Ответом судебному следователю стал жёсткий приступ рвоты: слуга вцепился в грузовую лебёдку мёртвой хваткой. В неотложной

помощи Фрол не нуждался. Чего не скажешь о тех, кто вольно или невольно очутился в воде. Плавать ведь не всякий умеет, а ошмётки плоти вряд ли отличались по консистенции от болота.

– Человек за бортом! – оповестил судебный следователь, но оказался у вельботной спасательной шлюпки лишь вторым: коммивояжёр Фриш, взобравшись с ногами на банку, возился с глаголь-гаком подъёмно-спускового механизма. Вдвоём мужчины справились быстрее. К счастью, механизм не заклинило – каждая секунда была на вес золота.

С борта, над которым грохотал голос первого помощника капитана, пытавшегося навести порядок, свесилась полудюжина керосиновых ламп на длинных шестах, так что ориентироваться можно было не только по мольбам о помощи и паническим шлепкам по воде.

Коммивояжёр сел на вёсла, а судебный следователь принялся вытаскивать людей. «Колхидская ладья» не могла похвастаться размерами, но и вечерний моцион, и паника, и начинающийся пожар собрали на верхней палубе не меньше половины присутствующих. Гигантские кальмары, поднятые из глубин океана выходом вулканических газов, сорвали и раздавили две другие спасательные шлюпки, но матросы нашли выход: сбросили в воду мешки с каучуком. Страховая кампания покроет потом промышленнику расходы.

Совместными усилиями справились.

Коммивояжёр и судебный следователь помогли людям подняться по верёвочной лестнице на борт, где их встретил доктор Хендерсон. Но сами подниматься не торопились. Сидели в метре друг напротив друга как старые друзья, встретившиеся после длительной разлуки.

– Полагаю, рассчитывать на то, что вы отпустите меня с миром, не стоит, господин Гавруш? – на английском Фриш говорил с лёгким северо-немецким акцентом.

– Я был уверен, что мы с вами незнакомы... Увы, господин Фриш. Не имею права и не хочу идти против собственной совести.

– Ваша фотография встретилась мне в газете, господин Гавруш. Известность имеет и свои минусы, а в моей профессии умение помнить детали может спасти жизнь... Как вы сами понимаете, сдать я не могу. Ни конкретно вам, ни полиции вообще. Возможно, вы удивитесь, но у наёмных убийц тоже есть законы чести. Моральный кодекс.

– Стоит лишь начать драку, как разнимать нас незамедлительно бросится половина команды, – на бескровном лице перевалившегося через борт едва ли не по пояс слуги читалась сильная обеспокоенность. И не менее сильное желание встать на защиту хозяина. Пусть для этого и придётся нырнуть в останки кракена.

– И ваш Фрол, надо отдать ему должное, не останется в стороне... Только никакой драки не будет.

– Утонуть вы не успеете, – озвучил очевидное судебный следователь. Насколько хватало глаз, плавали мешки с каучуком, спасательные круги, складные лежаки и куски щупалец. – Или вы намерены откусить себе язык как синоби-но-моно?

– С детства не переношу вида крови. Ни своей, ни чужой... – Фриш машинально поглаживал золотой перстень и терял время, не предпринимая никаких действий. Какие мысли при этом роились у него в голове, оставалось только догадываться. – И мне всегда импонировали люди с нерядовых умственных способностей. Может, потому что во мне живёт инженер?.. Вы умны, господин Гавруш, и в качестве знака уважения к вам я скажу, что социалисты не имеют к убийству Хольмберга никакого отношения.

– Кто же это, в таком случае? – судебный следователь не позволил себе удивиться осведомлённости визави.

– Чудовища – это почти всегда люди, господин Гавруш, – с грустью констатировал Фриш. – Если кого и следовало назвать кракеном-монстром, так это Хольмберга, который не видел в своих работниках и семье людей... Прощайте, господин Гавруш. Приятно было иметь с вами дело.

Прежде чем судебный следователь успел прыгнуть на коммивояжера, тот сунул в рот золотой перстень и сильно сжал его зубами.

На руки судебного следователя наёмный убийца упал уже мёртвым.

Наталья РЕЗНИЧЕНКО

г. Новокузнецк

Таёжная история

(сказочные воспоминания о детстве)

Открыв глаза и сладко потянувшись, Андрей перевернулся на другой бок с намерением ещё немного поспать, но вовремя вспомнив о сегодняшнем походе, торопливо вскочил с кровати. Надо было занять ванную первым, а то девчонок потом не дождёшься. «Девчонками» они с отцом называли его младшую сестру и маму, с молчаливого согласия обеих. Но открыв заветную дверь, Андрей понял, что его гениальным планам сбыться не суждено. Ванна была занята. «Извини, я не знал, что ты здесь, – виновато сказал Андрей, – но ты учти, что времени у тебя ровно пять минут». Огромный пушистый чёрный кот-сибиряк меланхолично прикрыл зелёные глаза и промолчал. Андрей прикрыл дверь и приготовился терпеливо ждать своей очереди.

Кот носил человеческое имя Фёдор и пользовался в их семье непререкаемым авторитетом. Появился он в доме пять лет назад, его

принёс с работы отец. Котёнок был таким маленьким и тощим, что весь помещался на большой мужской ладони. Около недели котёнок жил без имени, всё никак не могли придумать новому члену семьи кличку. Он активно ел, с шумом носился по комнатам и имел странную привычку: засыпать там, где его застала усталость, – диван, кровать, горшок с цветами или книжная полка. Однажды, придя с работы, глава семейства чуть не наступил на него, обнаружив спящего котёнка в своем тапке. «Эх ты, Федя, Федя», – ласково сказал отец. Так котёнок обрёл имя.

А через год Федя первый раз отправился с семьёй в таёжный поход. Вначале, отправляясь в тайгу, котёнка оставляли под присмотром бабушки, но через некоторое время она категорически отказалась оставаться дома с котом. «Он так орёт, ничего не ест и всё время ходит за мной по пятам, как будто боится, что я что-то украду у вас», – жаловалась она огорчённой матери. На семейном совете было решено взять кота с собой в пробный поход, на небольшое расстояние в верховья Томи. Испытание Фёдор прошел успешно.

Тогда у семьи ещё не было машины, и передвигались они в основном на электричках, попутных машинах и пешком. В вагоне электрички Фёдор вылез из рюкзака и благосклонно принимал знаки внимания всех, кто ехал вместе с ними. Потом, когда добирались до парома, терпеливо сидел в рюкзаке, выставив наружу лишь лохматую чёрную морду с белоснежными усами. Переправившись на пароме через реку и войдя в лес, кота было решено выпустить из рюкзака, предварительно надев на него небольшой кожаный поводок, но из этой затеи ничего не вышло. Федор категорически отказался идти на поводке, он намертво встал на тропинке, и никакая сила не могла сдвинуть его с места. Пробовали запихнуть его обратно в рюкзак, но кот сидеть в рюкзаке на этот раз не захотел: он вырывался, орал и так исцарапал отцу руки, что тот плюнул и отпустил кота гулять на воле. Фёдор деловито огляделся, чихнул от обилия непривычных запахов и весело потрусил по тропинке впереди небольшого отряда.

Позже, когда разбили небольшой лагерь и натянули палатку, кот тщательно проверил её на наличие посторонних и увязался за рыбаками на вечернюю ловлю. Возвращались на следующий день, усталые, довольные и счастливые. Кот о своём состоянии особо не распространялся, но обилие съеденной им за день свежельвленной рыбы говорило само за себя.

С тех пор Фёдор не пропускал ни одного таёжного похода, как бы далеко не уходил маршрут. Его не пугали ни высокая трава таёжных полянок, в которой он совершенно терялся, ни маленькие горные речушки, которые он лихо переходил вброд, а если было глубоко, то и переплывал, высоко держа голову и пушистый чёрный хвост. В

походах его шерсть выгорала на солнце и приобретала рыжеватый оттенок, отчего весь он становился немного шоколадным.

Вот и вчера, как только Фёдор увидел, что собираются рюкзаки, моментально пришёл в волнение и всю ночь проспал не на кровати вместе с Андреем, а возле рюкзаков, охраняя добро и следя, чтобы ничего не забыли. В этот раз они решились на недельный поход, благо занятия в школе уже закончились, а у родителей начались отпуска. Рюкзаки получились тяжёлыми, даже у Анюты, младшей сестры Андрея, поэтому кота решено было до леса нести в специальной маленькой сумке. Фёдор опять всё решил по-своему: в сумку лезть не захотел, уговаривать его времени не было, поэтому мама просто взяла его на руки, строго сказав при этом: «Будешь плохо себя вести, оставлю дома». Кот испуганно прижал уши и замер неподвижно у мамы на руках.

На этот раз дорога оказалась длинной, сначала ехали на электричке, потом на попутной машине до глухой таёжной деревни. В ней решили заночевать, тем более что Фёдора укачало: он беззвучно открывал пасть, пытаясь глотнуть больше воздуха. Мама принесла кота на берег небольшой речки и посадила его в воду на мелководье. Кот сидел неподвижно в воде два часа, длинная шерсть колыхалась в прозрачной воде, мелкие рыбёшки собрались вокруг и устроили небольшой хоровод. Потом мама позвала всех на ужин. Андрей, вместе с отцом рыбачивший недалеко от того места, где отмокал Фёдор, забрал кота и пошёл в дом. Поужинав, они легли спать, но спокойно отдохнуть не удалось. Все окрестные кошки, вероятно прознав, что приехал городской щёголь, собрались под окнами их скромного домика. Концерт вышел знатный: местные красавицы орали так, что отец, не выдержав их страсти, вышел на улицу и разогнал их всех метлой, найденной в сенях дома. Наутро небольшой отряд отправился дальше, в верховья маленькой таёжной речки Баранзас.

На место стоянки добрались ближе к полудню, пока разбивали лагерь, ставили палатки, стемнело. Чай кипятили и ужинали уже в темноте, но вечер в тайге у костра был тёплым, небо полно ярких звёзд, и они засиделись допоздна.

Утром все проспали, встали уже поздно, когда солнышко набирало силу, и на рыбалку идти было бесполезно. Отец решил остаться в лагере до вечера и порыбачить на вечерней зорьке, мама отправила его за дровами для костра, а детям наказала найти на ближайшей от лагеря поляне лесных трав для чая. Фёдор, поколебавшись немного, увязался за ребятами. Андрей и Аня шли по тропинке и весело болтали, кот бежал впереди, но в какой-то момент пропал из виду.

Отсутствие кота Аня заметила первой.

– Слушай, а куда Федька делся, – встревожено спросила она у брата.

– Не знаю, только что тут был, – ответил Андрей и стал внимательно оглядываться по сторонам.

Чем больше он смотрел, тем меньше ему нравилось то, что он видел. Они вышли на чудесную лесную полянку, окружённую со всех сторон стеной глухой непролазной тайги. Как они умудрились за такой короткий срок зайти так далеко, остаётся только гадать. Стало ясно, что обратно дорогу к лагерю найти будет очень сложно. Тропинка, по которой они пришли, затерялась в высокой траве. Аня заметалась по поляне.

– А как мы дорогу назад найдём, – в её голосе явно зазвучали слёзы, – мы что, заблудились?

– Не переживай, – Андрей постарался быть убедительным, – придумаем что-нибудь, не так далеко мы ушли.

Короткий смешок, раздавшийся у него за спиной, заставил Андрея вздрогнуть и резко повернуться вокруг своей оси. На краю поляны стоял старичок, одетый очень необычно. На нём была белая рубаха, подпоясанная цветным ремешком, полотняные широкие штаны заправлены в ладные сапожки, на голове широкополая шляпа неопределённого цвета. Для полноты картины не хватало только длинной белой бороды, но борода была короткая и русая.

– Ну что, дети, заблудились, – насмешливо спросил дед.

– Нет, что вы, – даже слишком уверенно сказал Андрей, – мама послала нас за травой для чая, сейчас нарвём и обратно пойдём.

– Трава сейчас ещё не поспела, – недовольно проворчал старичок, – чай будет невкусный. Лучше набери-ка, девушка, молодых листочков смородины с куста за твоей спиной. И чай ароматней будет, и травка таёжная поспеть успеет.

Анюта послушно пошла собирать смородиновые листочки с большого куста, который рос на краю поляны. Андрей тем временем с интересом рассматривал старика. Было понятно, что тот очень стар, но это угадывалось скорее по взгляду выцветших голубых глаз, чем по ладно скроенной невысокой фигуре и ещё по одежде, слишком старомодной даже для самых глухих современных деревень.

– А вы кто? – решил на вопрос Андрей.

– Я то... – старик засмеялся переливчатым, совсем детским смехом. Так смеются старые, очень добрые люди и маленькие дети, – ну считай, что леший я, лес охраняю от плохих пришлых людей.

– А разве лешие бывают... – это вернулась Анюта с целой пригоршней молодых зелёных листочков, сладко пахнущих лесной смородиной, – они же только в сказках живут, разве нет?

– Дедушка шутит, – строго, голосом старшего брата, сказал Андрей.

– Ничего я не шучу, – серьёзно заявил старик, – ещё вчера вас приметил, всё ждал, когда же вы дальше пойдёте, а вы обосноваться решили. Надолго к нам пожаловали?

– Да нет, ненадолго, дня на три-четыре, порыбачим и домой поедем, – успокоил старика Андрей. – Мы уже не первый раз сюда приезжаем, и как это вы нас раньше не видели... А вас зовут как?

– Пантелеевич я, – ответил старик, – меня недавно на этот участок перевели, раньше-то здесь Захаровна жила, ведунья старая, да захворала она, вот её и отправили поближе к городу служить, а меня, стало быть, сюда, на её место. Она меня не предупреждала о вас, хотя она последнее время слаба памятью стала, забывает всё, – старик тяжело вздохнул, – да и то, ведь четыреста лет стукнуло, станешь тут всё забывать...

– Сколько, сколько? – удивлённо спросил Андрей, – что-то вы заговариваетесь, дедушка! Не живут столько люди, не научились ещё!

– Это ваши люди не живут, – сердито отрезал Пантелеевич, – а наши живут, ещё и дольше живут, если вы не помешаете.

– Какие это ваши, интересно узнать, – в голосе Андрея звучала откровенная издёвка, – вы врете, да не завирайтесь!

Андрей был очень зол на себя за то, что ввязался в ненужный разговор с непонятным, каким-то мутным дедом. Анюта стояла рядом и испуганно переводила взгляд с одного на другого. Она очень не любила и боялась ссор и вообще любых непонятных ситуаций.

– А вы нашего кота не видели? – спросила она, пытаясь сгладить неловкость. – Он всё время с нами шёл, а потом пропал куда-то...

– Никуда он не пропал, – сказал Пантелеевич, смягчаясь, – здесь он, со мной. Он меня позвал, хотел с вами познакомиться, а вы грубить начали. А люди мы особые, лесные, испокон веку в лесной чаще живём, лес охраняем.

Дед отодвинулся немного, и оказалось, что Фёдор всё это время сидел у него за спиной и внимательно слушал разговор.

– Слышь, Пантелеевич, ты на них не сердчай, – вдруг отчётливо произнёс кот, – молодые ещё, зелёные, жизни не видели, тебе бы со старшими поговорить. Захаровна-то всё больше с мамой общалась, она женщина мудрая, понимающая, быстро всё сообразила и договор с ней подписала на посещение этих мест. Ты не знал?

– Да не знал, конечно, – старик огорчённо вздохнул, – стал бы я детям показываться, если бы знал, что договор существует. Совсем Захаровна плоха стала.

Пока шёл этот диалог, ребята смирно стояли и во все глаза смотрели на говоривших. Им казалось, что они спят и видят волшебный сон, в котором сказка стала явью, а их любимый кот вдруг обрёл способность говорить. Первым пришёл в себя Андрей.

– Так, Фёдор, ты, оказывается, разговариваешь прекрасно. Почему до сих пор молчал?

– Разговариваю я только здесь и только в случае крайней необходимости, – сварливо и мрачно заметил Фёдор, – так что не особенно радуйся. В городе мне разговаривать не положено. Слишком много вопросов возникает.

– Феденька, может быть, для меня ты сделаешь исключение, – в голосе Анюты появились откровенно льстивые нотки, – так хочется иногда с тобой поболтать.

– Нет, даже не надейся, – отрезал Фёдор, – мои ораторские способности исчезнут, как только мы переправимся через реку. Это закон, не я его писал – и не мне его отменять.

Анюта расплакалась от обиды, и Андрею пришлось долго её успокаивать. Кот и старик молча ждали, пока Аня перестанет всхлипывать и давиться слезами. Потом Пантелеевич подошёл и погладил Аню по голове, одновременно утешая и успокаивая её.

– Не плачь, внучка, не огорчайся, ведь ваш Фёдор будет по-прежнему с вами, и ты сможешь с ним говорить. Он и отвечать тебе будет, но только на своём, на кошачьем языке. Всему должно быть своё место и время, так-то... А сейчас вам пора возвращаться, мамка уже, наверное, потеряла вас. Фёдор, ты проводишь?

– Ну куда же я денусь-то, – проворчал кот в пушистые усы и бодро побежал вперёд по тропинке, опять появившейся среди высокой травы.

Возвращались молча, каждый думал о своём, переваривая увиденное и услышанное. Анюта сжимала в руке смородиновые листья и думала, стоит ли рассказывать родителям обо всём, что с ними случилось. Андрей судорожно соображал, как рассказать отцу об их приключении и стоит ли это делать вообще. О чём думал Фёдор – так никто и не узнал. Всё оставшееся до отъезда время ребята пытались его разговорить, но он только подрагивал пушистым хвостом, да лениво зевал, показывая всем великолепные зубы.

Они провели на стоянке ещё три дня. Рыбалка всё это время была великолепна, отец поймал несколько щук, карасей и даже умудрился выгащить сома на дальнем омуте. Съеденных Фёдором пескарей никто не считал, тем более таскал их в основном Андрей и тут же отдавал крутившемуся рядом коту. Их «девочки» гуляли, рвали цветы и собирали раннюю землянику на ближней лужайке.

А ещё каждое утро возле костра неизменно появлялась кучка свежесорванных смородиновых листочков для таёжного чая. Самое интересное, что ни у кого это не вызывало удивления, как будто все знали общий секрет, но договорись не обсуждать его. Уезжать не хотелось, лето вступало в свои права, и тайга становилась всё краше.

Они бы остались ещё на несколько дней, но у детей начиналась школьная практика и пропускать её без уважительной причины никто бы не позволил.

Так или иначе, но в город дети вернулись другими. Родители стали замечать, что они больше времени стали проводить с котом, разговаривая с ним, рассказывая ему о своих делах и переживаниях. Фёдор внимательно слушал, потом подходил близко-близко к Ане или Андрею, клал свою мордочку на плечо одному или другому и прижимался сильно-сильно, как прощения просил за что-то.

В семье Фёдор прожил ещё десять лет, несколько раз они ездили в тайгу, на «их место», но Пантелеевича больше не видели. Ушёл кот в год возвращения Андрея из армии. Он был совсем плох последнее время, почти ничего не ел и только всё время сидел у входной двери, словно ждал кого-то. Андрей вернулся в понедельник, а в среду Фёдор тихо ушёл у него на руках, и наклонившийся близко к нему Андрей услышал тихое «прости».

Светлана КУЗЬЕВА

г. Осинники, пос. Тайжина

Абсолютное счастье

История эта началась в канун праздника, а какого – уже никто и не помнит. Как обычно, собрались у Николая с Зинаидой. У них просторно, дети давно отделились. Есть достаток, хотя оба уже не работают. А люди они компанейские, хлебосольные, всегда рады гостям. От них не услышишь: «Ни-ни, нельзя, здоровье не позволяет». Всё в меру, вкусно, весело. И компания подобралась из таких же простых, шумных, но приятных друг другу людей. Все давно знакомы, много общего. Да и живут рядом.

Единственный, кто кажется попавшим сюда случайно, по недоразумению, это Афанасий Павлович. В самом деле, он не поёт песен вместе со всеми, не умеет травить анекдоты и не размахивает руками, перебивая всех остальных, чтобы сообщить, в какой переплёт он нынче угодил. Да и не бывает в его жизни никаких переплётов, всё у него размеренно как будто по пунктам. Сидит он себе тихонечко, молчит, словно, боится оказаться в центре внимания. Но иногда, когда наступит пауза за столом, он, глядишь, да и скажет что-то такое, к чему все прислушаются. Своеобразный человек, одним словом, даже чем он конкретно занимается, толком никто и не знает, просто это никому особо не интересно. Привела его сюда, правда, давным-давно, его тогдашняя жена Галя, но про Галю все уже забыли, она совершенно исчезла как из жизни Афанасия Павловича, так и вообще из города. А

вот Афанасий Павлович, несмотря на то, что живёт далеко, как-то сумел притулиться к семье Николая и Зинаиды и стать своим в их кругу. К нему привыкли, и если случалось, что его не было среди гостей, то все чувствовали, что чего-то не хватает.

Вот и в тот раз, когда все уже порядком устали и примолкли, Афанасий Павлович, дав возможность послушать, как стучат вилки о тарелки, сказал своим ровным приглушённым голосом:

– Недавно мне предлагали купить что-то вроде гедонометра. Но я отказался.

Вилки стукнули в тишине ещё несколько раз, так как никто не придумал, что сказать в ответ, и какой комментарий тут уместен. Вдруг гедонометр лечит какую-то деликатную болезнь?

Выручил друг Николая Сергей. Он, как бы между прочим, спросил:

– А почему вы отказались?

Афанасий Павлович сквозь очки взглянул на него так, как будто видел впервые в жизни:

– А зачем он мне нужен? Я и так про себя всё знаю.

Клавдия Васильевна, интересная женщина, вдовеющая уже третий десяток, вытерла губы тончайшим платочком и, подмигнув противоположной половине стола, сочным голосом завела:

– Афанасий Павлович, а что же такое с его помощью можно узнать? Расскажите, может, он нам и поможет...

Афанасий Павлович вдруг почувствовал, что он неумолимо перемещается к центру всеобщего внимания, и смущённо зарделся. Но всё же твёрдо ответил:

– Клавдия Васильевна, данный прибор не помогает, он только определяет наивысший уровень позитивного эмоционального состояния человека за весь период прожитой им жизни. Хотя, нейрофизиологи считали, что измерить его невозможно. В общем-то, любопытно, учитывая, что категория эта индивидуальна в рамках личных ценностей.

Все уже привыкли к тому, что Афанасий Павлович изъясняется довольно сложно, но всегда конкретно, по теме, лишнего он не говорит, и, заинтригованные, выжидающе молчали.

– Скажите попросту, о чём речь? – почти приказала Клавдия Васильевна.

Афанасий Павлович опустил глаза и тихо произнёс:

– О счастье. Абсолютном. Можно сказать, совершенном.

Напряженная тишина комнаты сразу же рухнула. За столом оживились, засмеялись, задвигали стулья, загомонили.

Афанасий Павлович сконфузился ещё больше: в этом оживлении он уловил скользкий намёк на то, что он, Клавдия Васильевна и гедонометр каким-то непонятным образом оказались тесно связаны.

Но у него не было времени на переживания. Жена Сергея Марина настойчиво допытывалась, что это за прибор и как он работает, в то время как Сергей перебрасывался с Николаем шуточками на эту же тему.

– Интересно, где это выпускают? Опять какой-нибудь обман, очень подозрительно, – поделилась с Зиной Оксана, её давняя подруга.

Афанасий Павлович понемногу пришёл в себя и обстоятельно объяснил, что прибор, который он имел в виду, скорее всего, собран в какой-то научной лаборатории. С виду он похож на маленький телевизор, но действует как сканер. Мозг хранит накопленный нами жизненный опыт в виде цепочек нервных волокон. Если расшифровать процессы, происходящие в мозге, то по изменениям его электрической активности, можно прочесть воспоминания. И уже из зоны памяти вычленил кратковременный период истинного счастья, удовольствия, радости. Когда картинка «абсолютного счастья» будет сформирована, её можно увидеть на экране этого сложного устройства, напичканного разнообразными сенсорами.

– Значит, каждый может увидеть своё счастье по телевизору, – резюмировала Клавдия Васильевна, и на её лице появилось мечтательное выражение.

– Но другим-то не покажет, – метко подчеркнула Зинаида.

Все опять развеселились.

Тут Олег, муж Оксаны, поднял руку вверх, призывая к вниманию. Обычно после этого жеста он предлагал спеть песню. Но в этот раз Олег сообщил: он недавно читал статью, где говорилось, что пока нет подтверждений, что зоны памяти расположены в самом мозге. Воспоминания, скорее всего, находятся в пространстве вокруг мозга.

Всё это дало повод собравшимся немного позубоскалить о том, где создают такие приборы: там или у нас? Одни считали, что в научных центрах вместо того, чтобы нормальные ракеты изобретать, занимаются всякой ерундой; другие сожалели, что наши собственные разработки разлетелись по всему миру.

На этом и разошлись, исчерпав тему.

Но как-то ночью Зинаида проснулась и, видя, что муж тоже не спит, спросила:

– Коль, а сколько он стоит?

– ???

– Ну, прибор этот. Может, правда, взять. По телевизору смотреть нечего. Видео с отдыха уже всем наскучило. А тут хоть что-то приятное вспомним.

Николай молчал, обдумывая.

Как ни странно, друзья их поддержали. Связались с Афанасием Павловичем, тот разузнал подробнее. Прибор стоил довольно дорого

для безделицы, но в качестве источника счастливых воспоминаний вполне приемлемо. Решили: скинуться и приобрести сей предмет в совместное пользование.

И вот Афанасий Павлович явился к ним с небольшой коробкой, на которой отсутствовала какая-либо информация о её содержимом. Зато внутри лежала инструкция, напечатанная мелким шрифтом, напоминающая инструкцию к лекарственным препаратам. Сначала было дано описание самого понятия «счастье». Взялись было читать, но вскоре бросили. Что такое счастье – никому не надо объяснять, все знают. Перешли сразу к делу: как пользоваться прибором, который в инструкции именовался просто – «ГИ».

«ГИ» представлял что-то среднее между мини-телевизором и планшетом, к нему прилагались высокочувствительные браслет и ободок. Производители обещали качественную картинку и отличный звук при соблюдении необходимых условий. От испытуемого требовалось провести в браслете и с ободком на голове пять, а лучше восемь часов в расслабленной позе без движения. При этом ничего не смотреть, не слушать и стараться ни о чём не думать.

Первым подвергся такой процедуре Николай, человек, хорошо знакомый с трудовой дисциплиной, закалённый жизнью и ко всему привычный. Известно, что в то время, когда женщина спасает семью и мир, мужик просто лежит на диване. Но позже Николай признается, что лежать на диване при таких условиях – адская работа. Он еле сдерживался, чтобы мысленно не материться. Раза три в комнату заглядывала Зинаида, проверяла, всё ли в порядке. Потом она осторожно закрывала дверь, в которую настойчиво ломился кот, и, чтобы тот её не открыл, между косяком и дверью помещала бумажку. Но бумажка всё время падала, и Николаю хотелось глупо рассмеяться.

Когда он встал после пяти часов неподвижности, измученный неожиданной жаждой, и устремился на кухню – пить, жена с тещей даже испугались.

– Что ты вскочил? Надо было ещё полежать... Вдруг не получится?

Потом Зинаида вместе с мужем по праву его половины отправилась смотреть, что покажет прибор. Нажимая нужные кнопки, Николай ощущал любопытство и одновременно некоторое смущение: он же не знал, какой сюрприз преподнесёт ему этот «ГИ».

Но вот экранчик засветился и почти полминуты демонстрировал мельтешение всех смешиваемых красок. Потом разномастные густки начали приобретать начальные формы неких предметов. И тут Николая охватил какой-то мистический ужас: бездушные квантовые точки вот-вот воскресят кусочек жизни, принадлежащей только ему одному! Он нервно сглотнул и увидел: то, что он принимал за облака,

в результате трансформации оказались снежными сугробами, среди которых мелькали головы мальчишек. Те что-то весело кричали, но слов было не разобрать. Сугробы то надвигались, то отступали, и Николай понял, что дети бегут, падая и барахтаясь в снегу.

– Ребятишки, – немного разочарованно произнесла Зинаида, – ну, отрегулируй звук, ничего ведь не слышно.

Но акустическая система, видимо, была не на высоте: звук не улучшился. Прибор, просканировав мозг и заглянув во все уголки памяти, выдал результат как видеоролик, который начал прокручиваться заново.

Посмотреть на счастье зятя пришла Петровна. Тёще уже маячил девятый десяток, но бразды правления кухонным хозяйством выпускать из своих рук она не торопилась. Несмотря на некоторые бытовые трения, Николай уважал её за прямоту и чёткую гражданскую позицию. Убедившись, что в «телевизоре» нет никакой крамолы, Петровна подошла ближе:

– Коля, что-то я не пойму, который тут ты?

Николай и сам этого не понимал, пока не разглядел в нижнем углу экрана что-то серо-полосатое, вдруг показавшееся ему до боли знакомым. Пробудившимся чутьём он опознал в этой смутной движущейся полоске часть своего детского пальтишка, в котором ходил несколько лет, пока окончательно из него не вырос. В нём он был похож на взъерошенного воробья. И тут его осенило: всё происходящее на экране, в том числе и фрагмент пальто, они видели глазами маленького Кольки, ученика начальной школы, глазами его самого. Он объяснил это женщинам.

– Из школы возвращаемся, играем во что-то, весело было. Вот мой рукав, видите? А вот и ладошка, без рукавицы. Потерял...

Но Петровне не понравилось, что его самого нет на экране, а есть только рукав одежки.

– Да ты, точно, не долежал, – пеняла она зятю. – Поленился.

Николай не ответил. Про таких, как он, говорили: вышел из ниоткуда. Он рос в семье пьющего дяди, рано пошёл работать. Уже будучи семейным, заочно получил среднетехническое образование и успел стать самым молодым бригадиром передовой комсомольско-молодёжной бригады. Научившись складно говорить, сколько раз он докладывал в микрофон о трудовых достижениях своего коллектива. И когда корреспонденты задавали ему вопрос, считает ли он себя счастливым человеком, он, не раздумывая, отвечал:

– Да, конечно, я счастлив.

Из всех своих знакомых он считался самым успешным, имел награды и материально жил лучше их. Но, если рассматривать абсолютное счастье как цель жизни, то ему, передовику труда на пенсии, оказывается, и незачем было стремиться выкарабкиваться из той субстанции, которая его окружала в детстве.

Оставшись наедине с мужем, Зинаида подколола его:

– А ведь кто-то рассказывал о тяжёлом детстве ... Оказывается, столько радости было, что ни с какой свадьбой не сравнится.

– При чём тут свадьба? – неожиданно разозлился Николай. – Твоя мама, между прочим, считала, что я недостоин тебя. Как ты помнишь, у меня не было даже штанов...

– Совести у тебя не было. Маму зачем-то приплёл. Да моя мама помогла нам вырастить детей, пока ты учился и пропадал на работе!

Николай ответил, что он ей благодарен. Они замолчали, но Зина вовремя опомнилась и призналась, что с её стороны это был просто выброс отрицательной энергии. Вообще-то она рада, что у него осталось столь светлое воспоминание о тех годах.

Однако у Николая было смутное чувство, что он в чём-то виноват.

На другой день ещё раз обратились к инструкции. И та подчёркивала: такие негативные эмоциональные состояния, как страдание, тревога, волнение, раздражение, обеспокоенность, печаль, стыд, страх, не говоря, про гнев и ярость, не входят в понятие «абсолютное счастье». Только позитивные эмоции: счастье, радость, удовлетворение, блаженство, восхищение, очарование, спокойствие.

К контактам прибора подключилась Зинаида. Она продержалась дольше мужа, расположившись в кресле.

При просмотре полученной картинки, вернее, ролика, Зина почти не дышала. Но то, что показалось на экране, было настолько смутно, что они оба не сразу догадались, что к чему.

В полутьме, освещённой лишь уличным фонарём, – часть ровной поверхности, вроде бы столешница. На ней какая-то коробочка, которую крутили в разные стороны тонкие пальчики подростка. Они пытались осторожно раздвинуть сомкнутые домиком края коробочки, но те не поддавались. Мелькнули прядь девичьих волос и кусочек ткани с еле проступающим мелким рисунком. По времени было раннее утро, едва светало.

Николай посмотрел на Зину, и ему показалось, что она сейчас заплачет.

– Спрятанный подарок, – наконец, дрогнувшим голосом прокомментировала Зина. – Не терпелось посмотреть, что там.

Мать Зинаиды уже не помнила ни про какой подарок, но опознала дочкину «ночнушку», которую она сама ей и сшила. И осуждающе качала головой:

– Зинка всегда была пугололая. Это она сейчас наладилась. Надо же! Встать спозаранку ради какой-то коробочки, тьфу! Не спалось ей... Лучше бы порадовалась, что свинья опоросилась, целых десять поросят приносит. Или что в школе учительница появилась по немецкому языку.

Петровна явно не могла сказать, что таила коробочка, да и Зина помалкивала.

Но Николай догадался, что её содержимое разочаровало жену, а вот само предвкушение подарка осталось в памяти крохотным, но самым счастливым кусочком её жизни. Всё же он не устоял, чтобы, хотя и мысленно, не подтрунить над супругой: ну, и где же дети? Где любовь и семья?

Зина, словно догадываясь, сама ответила на вопросы.

– Вот так. Выходит, вся жизнь – сплошные заботы, переживания, страхи. Над детьми постоянно трясе́шься, потом над внуками. Всегда в напряжении...

Она задумалась.

Тем же вечером прибор передали Сергею с Мариной.

Через несколько дней супруги явились вместе с прибором, выглядели они бодрыми и довольными.

К Зине в этот день приходила Оксана за новым рецептом из «ЗОЖа». Её муж Олег, симпатичный, всегда подтянутый и остроумный, на самом деле часто болел и почти всё время был на диете (и это учитывалось Зиной, когда она принимала гостей). Ко всему прочему, Олег попал недавно в аварию, отделался легко, но Оксана удвоила свои рвения уходу за ним.

Она и Зина уже обсудили все интересующие их темы, и гостя несколько раз порывалась уйти, но всякий раз всплывала какая-то новая зацепка для дальнейшей беседы. Теперь же Оксана с пузырьком самодельного лекарства в руке сделала решительный шаг к порогу, чтобы прервать затяжное прощание.

– Стоп! – Остановил её вовремя появившийся Сергей. – Ещё одна минута. Но какая! Лучшая в жизни.

И он тут же запустил принесённый прибор.

– Вот, смотрите, всё как есть. Я даже не поверил. Делюсь своим счастьем, – не умолкал Сергей.

Николай, Зинаида, Оксана и Петровна всматривались в белёсо-серую пелену, в которой шевелилась какая-то несуразная звероподобная тень. И тут из прибора раздался робкий всхлип, сменившийся явным чавканьем.

Громоздкая тень расслоилась на две фигуры, точнее, на две движущиеся спины, и какие-то палки, среди которых воображение Николая разглядело очертания крестов.

– Ну, ну? – нетерпеливо потирал ладони Сергей. – Уже поняли, что за место?

– Мм-м... не совсем...

– Видите, высокие стебли в тумане. Ясно, что это...

- Кукуруза, – бодро выпалила Петровна.
- Камыши! – радостно возгласил Сергей.
- Похоже на болото, – сказала Зинаида.

А Николай облегчённо вздохнул: ну, хоть не кладбище. Теперь понятно, что они слышали звуки, производимые передвижением по воде.

– Да нет же, это озеро, заросшее по краю камышом. Там есть такое место клёвое, где мы всегда ловим. Вот туда и идём. Соединяется с речной протокой. А мы выходим к чистой воде, туда, – Сергей говорил с жаром и любовно направлял палец в центр клубящегося пятна на экране. – С отцом и братаном двоюродным последний раз ходили, незадолго как батя слёг. Видите, он с налобным фонарём. Я за ними иду в накидке. Дождь же моросил, да и свежо на рассвете...

Петровна, не видя никакой накидки, пристально следила за движением его пальца и, наконец, спросила с недоумением:

- Да зачем вас в воду-то потянуло в такую рань?

Сергей даже обиделся:

– Эх, Петровна. Да в это время самая рыбалка! Жаль только мало его, времени предрассветного. До восхода всегда клевало в плывунах! Вот, вернуться бы туда...

Вдруг Оксана, до этого молчащая, ахнула и испуганно прикрыла рот ладонью. Но было уже поздно. Все уставились на неё с любопытством. Оксана пробормотала:

– Ой, Серёжа, я не хотела говорить. Но это же гиблое место. В детстве о плывунах было много разных слухов. Туда нельзя ходить.

– Это почему? – отозвался Сергей, он был искренне удивлён. – Я ничего подобного не слышал. Это всё бабьи сплетни. Да, там опасно, есть и заболоченные места. Но все туда ходят.

Оксана упорствовала, утверждая, что это место проклятое, сколько людей там пропало, а с теми, кто там побывал, обязательно что-то случается.

Ни для кого не было секретом, что отец Сергея умер после продолжительной болезни, а двоюродный брат упал с горного велосипеда и серьёзно травмировал ногу. Но в свете новых данных мирная рыбалка в плывунах приобретала зловещий оттенок. Может, это и случайное совпадение, а может, и нет. Сергей насупился и уже не особо возражал Оксане; весь его восторженный пыл куда-то исчез.

Зинаида пожалела, что поддерживала пустую болтовню с подругой и та не ушла раньше. И вот результат – испортила настроение, с Оксаной такое бывает. Но её ценили как преданную жену и бескомпромиссного человека.

Чтобы разрядить обстановку, Зинаида переключилась на Марину, спросила шутливо: довольна ли она своим счастьем?

– О, да, – ответила та вполне серьёзно.

Она решительно завладела гедонометром, отодвинув мужа. Но тот и не думал возражать. Он задумчиво смотрел куда-то мимо прибора и, казалось, совершенно потерял к нему всякий интерес.

Маринин ролик в представлении Зины сочетался со словами «тусовка» и «зажигать». Всё сверкало, гремело, люди, в основном молодёжь, веселились, танцевали, заряжая своей энергетикой. Марина сообщила, что это дискотека на турбазе, где она отдыхала несколько лет назад, и ей там очень понравилось. Вообще Марина была «не домашняя». В молодости она обожала походы, горы, да и сейчас предпочитала весьма активный отдых.

– Да, здорово, – сдержанно отозвались подруги.

Петровна, хотя была далека от подобного времяпровождения, тоже одобрила Маринин ролик: в сравнении с тремя другими он наиболее ей глянулся.

– Надо подольше полежать, – советовала Петровна Оксана, следующей в очереди за счастьем. – А то ведь вы все нетерпеливые.

– Ну, моему мужу не привыкать, – отшутилась Оксана. – Он и без прибора днями лежит.

Прошло два дня. Николай утром пошёл в продуктовый супермаркет и встретил там знакомых, живущих на одной площадке с Зининой подругой. От них Николай узнал, что Оксана и Олег находятся на грани развода, правда, подробности неизвестны.

В течение дня встревоженная Зинаида несколько раз звонила Оксана и, поскольку та не отвечала, вечером сама отправилась к ней. Дверь открыла Оксанина свекровь, ещё довольно бодрая старушка, моложе Петровны. По скорбному выражению её лица стало понятно, что тревога была не беспочвенна.

– Что случилось-то, тётя Люд? – пыталась её Зина прямо с порога.

– Ох, беда, – лишь сказала та и провела её в комнату, где заплаканная Оксана неподвижно лежала на кровати, уставившись куда-то в угол. Точно с таким же выражением, какое два дня назад было и у Сергея.

– Привет, дозвониться до тебя не могу, – осторожно начала Зина. – А где Олег? Неужели больнице?

– С чего ему в больнице-то быть? По улице где-то бродит, – недобро отозвалась Оксана и, неожиданно резко вскочив на ноги, достала что-то из тумбочки. В руках у неё оказался знакомый прибор, а именно гедонометр.

Появившаяся на экране картинка была на удивление чёткой. Олег постарался. И вот неширокая полоса шоссе, почти пустая, змеясь, стремительно понеслась вперёд. Зине показалось, что она окунулась в компьютерную игру внука – такое впечатление. Только вместо

автомобиля она видела ручки и приборы мотоцикла, зеркало заднего вида с движущимся транспортом. Проносились деревья, столбы, дорожные знаки, мотоциклы и редкие машины.

И вот среди всего этого мелькнуло радостное лицо хорошенькой девушки в шлеме, которую Зина первоначально приняла за Оксану.

– Вот! – трагически произнесла Оксана и закусила губу.

Её свекровь тут же засуетилась:

– Оксаночка, да что же так убиваться? Ну, покатал Олег девушку... Так это когда было, ещё до вашего с ним знакомства. Он уже и забыл, кто она такая...

– В этом-то и дело, – прорыдала Оксана. – Какую-то случайную девку покатал – и, оказывается, это настоящее счастье. А я всю жизнь над ним трясусь, ухаживаю, обхаживаю, всегда рядом – и что же? А ни-че-го, пшик.

Зина, пытаясь утешить подругу, ссылалась на то, что прибор так настроен: определять момент самого беззаботного и бездумного состояния. Чем старше мы становимся, тем больше ответственности и забот.

– Так ведь, тётъ Люд?

– Так, так, – охотно поддакивала та и жалостливо обращалась уже к Оксане:

– Да много ли радости было у Олега? Диета, больницы. Вот и запомнилось, как он, молодой, здоровый, мчался на мотоцикле.

Заметив, что невестка прислушивается к ней, Оксанина свекровь продолжала гнуть в нужную сторону:

– Ведь главное здесь – мотоцикл. Нам-то, женщинам, тряпки нарядные подавай, мы и рады. А парню нужно погонять по дорогам. Ему хоть бабу Ягу посади сзади, он всё равно счастлив. А ты, Оксаночка, просто устала, в санаторий тебе надо...

– Ладно, – сказала Оксана, выключая прибор и пряча его в коробку, – надоело смотреть.

– Правильно, – одобрила свекровь, – откуда только эту штуковину клятую притащили? Жили без неё и дальше обойдёмся. Уноси её, Зина, с глаз подальше.

– А ты не будешь? – вопросительно посмотрела на Оксану Зина.

Та решительно махнула рукой:

– С меня хватит. Меня счастье обошло.

Зина подозревала, что Оксане просто надоело плакать на кровати и что она тоже, в какой-то мере, опасалась сюрпризов. Но не стала уговаривать и гедонометр унесла.

Про уникальный прибор прослышала двоюродная сестра Николая Лена, дочь дяди, и тоже пожелала узнать про своё счастье. Лена состояла в браке с женщиной по имени Коля, который считался

добрым, но пропащим человеком. Когда-то давно Коля в искреннем душевном порыве вызвался помогать Николаю в строительстве погребка. И, действительно, целый день помогал, а на второй пропал. Николай снова увидел Колю где-то года через два. Потом Коля опять пропал и снова появился. Так они и жили с Леной.

Ради такого события – появления в их жизни гедонометра – пара решила воссоединиться. И вскоре стало известно, что Колю можно считать образцовым мужем и отцом, ведь он испытал абсолютное счастье в тот момент, когда узнал о рождении дочери!

И вот Коля и Лена торжественно появились вместе с прибором у Зины и Николая. Коля с порога радостно закричал:

– А вы думали: Коля дурак! А вот и нет. Прибор меня правильно определил. Как моя кровиночка родилась, я от радости полгода отмечал...

– Не полгода, а всю оставшуюся жизнь, – справедливо уточнила Лена.

Коля с гордостью продемонстрировал свой ролик. Прибор показал волосатые ноги, которые весело выплясывали на грязном полу среди окурков и пустых бутылок. Ведь Коля звонил по телефону в роддом, стоя в одних трусах. Правда, ни одного звука не было слышно.

Колина дочь давно выросла и покинула обоих родителей. Скоро она уже сама станет бабушкой. А Коля с Леной всё ссорятся по этому поводу.

– Ты, паразит, хоть полы помыл?! Ты хоть что-то сделал ради ребёнка? Ты даже меня с дитём не встретил, ирод! – выкрикивала Лена.

Коля в ответ тоже что-то кричал, но его супруга уже настраивала прибор на своё счастье. Настроив, она тут же привычно всплакнула:

– Вот, глядите на мою жизнь с этим алкашом! Люди по морям, по санаториям отдыхают, а мне только и радости, что полежать на травке, да на солнышко посмотреть! Как увижу, где ромашки, так мне сразу же хочется в них упасть и не вставать. Вот оно, моё счастье!

Если бы не эти пояснения, то в невнятном ролике, который они смотрели, с фрагментами ладони, качающихся стебельков и острых травинок, трудно было бы разглядеть сельскую идилию и тем более понять, чем же так восхищалась Лена.

Наконец, продолжая переругиваться, супруги ушли. Зина, недолголюбившая Лену, не выдержала:

– В ромашках она лежит! Такой пылесос ей подарили, и хоть бы какое чувство проявила. Ты же уверял: то-то Лена порадуетя...

– Зина! – воскликнул Николай. – Ты серьёзно? Ну, кого в наше время можно осчастливить пылесосом?

Но Зина только махнула рукой.

Их дети – сын и дочь со своими половинками, – жившие в пределах города, также пообщались с прибором. Сообщили, что вполне довольны, счастье их носило романтический и семейный оттенок, хотя

результаты они не показали. Внукам и Петровне пользоваться прибором «ГИ» не разрешили: неизвестно, как посмотрели бы на это медики? Афанасий Павлович от него решительно отказался. Дети одних друзей жили в области, у других – ещё дальше.

Гедонометр некоторое время стоял в своей коробке, не востребуемый, пока его не забрала Клавдия Васильевна. Она просто хотела подтвердить свою правоту: ведь прибор должен показать именно то, о чём она и сама думает. Никаких неожиданностей! На мотоциклах она с незнакомцами не каталась, в предосудительные истории не попадала. И всё же она была удивлена. Видео перенесло её на четверть века назад, в событие, которое казалось не столь уж значительным, чтобы претендовать на самый счастливый эпизод её жизни.

После вечерней смены одна из работниц пригласила всех к себе, немного посидели и разошлись по домам. По ночной дороге двигалась шеренга поющих женщин, поэтому на экране можно было увидеть не так уж и много. Ведь счастливая Клавдия Васильевна смотрела вперёд: на ясную луну, на фонарь у обочины и – мельком – на свой переливающийся шарфик, в который она зябко куталась от ночной свежести. И шарфик тотчас обнаружился на экране в виде таинственно мерцавшей полоски, выхваченной из ночи. Только и всего. Этот коротенький ролик, пробудивший столько тёплых воспоминаний, был показан знакомым. И одна из женщин по секрету сообщила другой, (а та, тоже по секрету, – Клавдии Васильевне), что опознала на видео свой когда-то потерянный переливающийся шарфик.

Клавдия Васильевна уверяла всех, что шарфик, не доживший до сегодняшнего времени, ей подарили. На этой почве у неё резко поднялось давление, и она чуть не угодила в больницу. Единственным утешением ей служило то, что Афанасий Павлович был критически настроен к таким приборам, и вообще был далёк от подобных историй.

Вскоре после этого было решено продать гедонометр. Нашёлся покупатель, и Афанасий Павлович увёз прибор «ГИ» в неизвестном направлении.

А жизнь потекла, как обычно. В выходные Зину и Николая навестили их взрослые дети с внуками. Оксана с Олегом как раз возвратились из Дома отдыха и привезли новые фото и видео. Сергей был на рыбалке, Марина дежурила, она ещё работала. Клавдия Васильевна, заглянув на минутку, быстро ушла с новым рецептом чизкейка от Зины. Афанасий Павлович в этот раз не приехал.

Пока все рассматривали снимки с отдыха, Петровна на кухне размышляла о счастье. С одной стороны, молодёжь (имеются в виду Зинаида с Николаем и их друзья) пошла какая-то не такая, серьёзности у неё нет. Расслабились люди от лёгкой жизни.

А с другой – всюду орудуют мошенники, добрались уже и до приборов. Вот те и показывают что ни попадя. Задуривают головы простым людям. Петровна знает, откуда это всё идёт в нашу страну.

Был бы жив дедушка, её Игнатъич, уж он-то показал бы всем, каким должно быть счастье. Петровна призадумалась, пытаясь оживить в памяти соответствующую картину. Детей и внуков, которых любила безмерно, она сразу изъяла из любой картины. Уж слишком тяжела и волнительна такая любовь. А годится, как она поняла, простая радость без всяких волнений.

Вот Игнатъича награждают за хорошую работу юбилейной медалью и отрезом на костюм. Или – совсем раннее воспоминание – они переезжают от свекрови в свой собственный дом, где из мебели пока лишь большой круглый стол да диван с высокой спинкой и полочками. Ребятишкам спать здесь негде, ночуют у свекрови. А они, обнявшись, сидят на этом диване, и она мечтает вышить салфетки, чтобы украсить ими диванные полочки. Или – более позднее – они идут с ним под ручку в кино на вечерний сеанс. У него – выходной костюм и одеколон. У неё – любимое шёлковое платье, каблучки и духи, и вся улица смотрит на них.

На этом счастливом моменте, который не стыдно показать другим, Петровна и решила остановиться. Она была уверена, если бы прибор изучил всю жизнь её мужа, то он выбрал бы и показал именно этот поход в кино. Она даже смирилась, если бы на экране появилась лишь она одна, без Игнатъича. Он-то рядом, только невидим.

Теперь Петровне предстояла серьёзная задача – найти нужные слова, чтобы правильно пересказать подруге всё то, что она узнала в последнее время о счастье.

Зина была довольна, как всё сегодня прошло. Пообщалась с внуками, удачный пирог, все шутят. Внезапно её окатило мыслью, что большая часть жизни уже прожита. Но она ощутила только спокойствие. Легко быть счастливой с пустой головой. А она своё счастье выстроила и ей не о чем сожалеть. Дети на правильном пути, рядом всегда друзья. И от неё уже ничего не зависит. Зина позволила себе расслабиться и впервые пожалела, что рядом нет прибора. Именно теперь, когда она так счастлива.

Николай смотрел, как на экране монитора мелькают мгновения жизни, что-то отвечал, кивал и мысленно ругал себя: ну, почему он не сделал копию своего ролика? Он был вполне доволен своей жизнью и прошёл бы весь свой путь заново. Но многое бы он отдал, чтобы взглянуть на мир глазами того пацанёнка с озябшими руками и хлюпающим носом и заново пережить с ним то чувство, которое сам он уже никогда, никогда не сможет испытать. Абсолютное счастье.

Сказка рядом

Посреди пышных и величественных облаков над живописной зелёной долиной росла тёмная точка. Из мелкой крупинки она выросла до размеров мелкой монеты, но вскоре стала обретать очертания величественного воздушного корабля. С золочёными бортами, огромным воздушным колоколом, состоящим из десятка надутых шаров, кожистыми драконьими крыльями. На палубе воздушного судна стоял мальчик на вид лет двенадцати и с тревогой смотрел вниз. Посреди раскинувшейся внизу поляны расположились разукрашенные шатры и палатки, возле которых стояли люди. Много людей. Очень много людей. Увидев мальчика, люди ещё больше оживились. Развернулись пёстрые разноцветные флаги, гулко зазвучали барабаны и громко ударили литавры. Это была праздничная встреча воздушного судна. Такие устраивают для известных путешественников, открывших новые земли. Так встречают полководцев, одержавших победу. Так встречают героев. Мальчик не чувствовал себя героем, скорее наоборот, ему хотелось скрыться от такого навязчивого внимания. Однако спрятаться он не мог. Никто, кроме него, не смог бы приземлить этот воздушный корабль.

История приключений Данила начиналась весьма буднично. Однажды дождливым осенним субботним утром Даня сидел дома и откровенно скучал. Смотреть по телевизору было нечего. Друзья в гости не пришли. Игрушки тоже надоели и мирно отдыхали в своих коробках и на полках. Если бы не пушистые домашние любимцы, то скука совершенно бы захватила дом. А так кто-нибудь где-нибудь шуршал, мяукал или лаял. Видимо, и у зверей осенняя погода отбила охоту резвиться. На улице лишний раз из-за грязи не побегаешь.

От нечего делать Даня собрал по всей комнате детали от разных конструкторов и стал собирать без всякого плана какую-то невнятную громадину. Может замок, может башню, а может просто большую кучу. На самом интересном месте, когда закончились детали и оставалось только сформировать подставку под шпиль, венчающий похожую на елку конструкцию, – всё с грохотом развалилось.

На шум в комнату заглянула бабушка. Она не стала ругаться и предложила пойти с ней в аптеку, заодно прогуляться. Даня вздохнул; можно было, конечно, покапризничать и сказать, что он устал, что у него дела, да и вообще... Дел, как раз, и не было. А так может быть встретится какое-нибудь приключение. Если затеять с бабушкой спор,

то вместо приключения, всё закончится либо уборкой в комнате, либо скучными занятиями по счёту или письму.

Даня собрался быстро, и теперь они вдвоём брели по улице мимо многочисленных витрин магазинов. Бабушка делала покупки, а Даня рассматривал витрины. При обычных прогулках вся пестрота витрин незаметна и буднична, но если присматриваться, то можно встретить удивительные вещи. Вот и сейчас Даня приметил необычный торговый лоток под открытым небом возле киоска с мороженым. Столик был уставлен разнообразными и непривычными вещами. Это не был распространённый ширпотреб, массово изготовленный в Китае. Среди выставленных вещей не имелось кухонных товаров, вешалок, прищепок, пластмассовых игрушек, пёстрых одинаковых сувенирных картинок, каждая вещь на столике была настоящей загадкой.

Вызывал удивление и сам продавец. Во-первых, это был мужчина, во-вторых, с длинной бородой, бородачей в современном городе не так часто можно встретить, в-третьих, старичок улыбался. Надо сказать, что и улыбающиеся старики, да ещё с целыми зубами, редкость. Впрочем, Дане трудно было на глаз определить возраст человека. Если бы он сам стал стариком, тогда, пожалуй, он смог бы на глазок определить, сколько лет человеку, достаточно было бы вспомнить, как время меняло его самого. Пользуясь наличием бабушки, Даня спросил её, как проще всего определить возраст. Бабушка рассмеялась.

– Однако ты, наверное, всерьёз художником решил стать? Боишься напутать? Так вот, проще всего возраст определить даже не по лицу, а по одежде и поведению. Много ты видел взрослых людей, бегающих в шортах и пинающих мячики?

– Футболисты.

Бабушка задумалась.

– Ну, это так. Исключения из правил бывают. Артисты тоже, бывает, дурачатся, как дошколята. А министры по телевизору иногда такое скажут, ну как трёхлетние дети. В общем, молодежь, люди среднего возраста и пожилые по-разному одеваются, по-разному проводят свободное время и часто разговаривают на своем сленге. Мне тебя иногда трудно понять, когда ты рассказываешь про компьютерные игры и персонажей мультфильмов, вот в тот раз ты нарисовал танк и назвал его «холодильником».

– Это была немецкая самоходная пушка «Фердинанд», я про неё на Ю-Тубе ролик смотрел. Форма корпуса у неё угловатая... Ну похожа, короче, на холодильник, – пояснил Даня.

– Вот и я про то же, хотя с этим всё понятно. У каждого поколения людей свои слова. Вот когда-то, мотоцикл называли самокатом, потом коляской, потом «мотиком». А сейчас по-иностранному – байком.

Люди с возрастом меняются и не только внешне. Однако некоторые совсем не меняются! Не хватает им видно ума – измениться и подрасти! Не будешь учиться, как следует, не будешь слушаться учителей, таким же оболтусом и останешься!

Даня скорчил обиженную рожицу, но на самом деле не обиделся. Обычно бабушка просто говорила ему как надо себя вести, без длинных объяснений, сейчас она нашла время рассказать не просто как надо, а почему так надо.

Даня решил вернуть бабушку от воспитательных проблем к наблюдательным.

– Видишь, старичок стоит, продаёт сувениры, сколько ему лет? Как определить?

Бабушка улыбнулась и ответила:

– Да очень просто! Надо подойти и спросить! Ну, а если ты про наблюдательность, то вот что я могу посоветовать: те дети, которые ходят в школу, подростки, отличаются обычно по росту, за одно лето они на голову вырастают. Сам и посчитай в сравнении с собой. У молодых парней, которые оканчивают школу, уже начинают расти на лице волосы, усы проклёвываются. Им приходится их сбривать, так как волос уже много, их выщипать невозможно. Взрослые семейные дяди часто носят на руке кольцо.

– А в ушах серёжки!

Бабушка задумалась, нравоучительным тоном сказала:

– Нехорошо старших перебивать, особенно когда они тебе что-нибудь важное рассказывают! Отвлечёшь шуткой учителя на уроке – и останешься неучем! А про серёжки... действительно, сейчас их стали цеплять не только девочки. Одну серёжку – это вполне допустимо, раз мода такая. В старину казаки и пираты тоже одну серьгу в ухо вставляли. Это у них традиции такие боевые были. А сейчас? Разве те, кто с серьгами, – лихие, смелые воины? Сомневаюсь! Когда я была в твоём возрасте, мальчики серёжек не носили, волосы в разные цвета не красили, косичек не заплетали, иначе бы их девочками задразнили бы. Такое было время. Советское. Сейчас многое проще стало, люди могут себя украшать. Чтоб как-то выделиться. Носить разную одежду, украшения, даже татуировки на тело наносить. В моём детстве все, кто носили татуировки, были либо моряками, либо из тюрьмы вышли. Одежды разной в магазинах такими залежами не было. Приходилось самим что-нибудь шить. Руками работать. Свою фантазию развивать.

Бабушка продолжила:

– Твой старичок, которого ты приметил, видно, как раз из таких людей. Одет скромно, но опрятно и чисто, фасон одежды необычный. Наверное, сам сшил костюм. Борода у него ухоженная, подстриженная

– значит, не ленится следить за своей внешностью, не хочет неряшливо выглядеть в глазах других людей. Да и сувениры у него из дерева и металла, а не пластмасса. Уважает, видно, человек традиционные материалы, скорее всего сам мастерит. Таких людей называют кустарями. Надо ближе подойти, посмотреть на руки человека, если есть мозоли, значит, трудится человек ежедневно. По рукам о человеке многое можно узнать. Встречают, как говорится по одежке, а вот провожают по уму. Не всякий человек в грязной одежде – бродяга, спящий на улице, может он трубочист или каменщик. Работа может быть грязной, но нужной. Так что по одежке можно многое рассказать, но не всё. Пойдём, посмотрим, что он продаёт, поговорим, там и поймём, чем человек занимается.

Когда они подошли, старичок, дремавший за столиком, оживился.

– Здравствуйте! Интересуетесь редкостями? Вы удачно заглянули. Я в этих местах бываю редко! Другой возможности дёшево приобрести полезные мелочи и чудеса для дома вам представится очень нескоро! Не зря меня зовут Волшебник Петрович, со мной чудеса всегда рядом!

– Здравствуйте, – поздоровалась бабушка и замерла в некотором замешательстве. Очевидно, домашние мелочи она представляла несколько иначе, например, в виде кухонной утвари и чистящих средств. На прилавке лежал совсем иной товар. Самым необычным был стеклянный шар чёрного цвета, матовый, внутри него поблескивали серебристые всполохи похожие на искры. В ряд выстроились белые фигурки, изображавшие диковинных зверей. Непонятного назначения металлические предметы и инструменты на чёрных бархатных подстилках, блестели зеркальным блеском. Деревянные коробочки разного вида, кожаные футляры, серебристая сеточка и фарфоровая посуда громоздились причудливой россыпью.

Внимание Дани привлекла картинка на коже, украшенной по краям шёлковой бахромой. На светло-коричневой коже причудливым образом были выдавлены, или, возможно, выжжены диковинные изображения сказочных зверей, гор, морей и лесов. Именно так себе Даня представлял старинную сказочную карту мира. Из всего разнообразия предметов Даня уверенно смог опознать только складную удочку из бамбука, складной перочинный ножик с позолоченным лезвием, подзорную трубу из жёлтого металла, обшитого чёрной кожей.

Ещё его заинтересовал металлический треугольник, заточенный с двух сторон, который мальчик опознал как наконечник копья. Такой игрушки бабушка ему точно не купит, это Даня понимал очень хорошо. Пока бабушка обсуждала с продавцом стоимость вычурно сплетённого кожаного шнура, явно похожего на собачий поводок, мальчик сгорал от желания грубо прервать разговор взрослых и задать

кучу вопросов о назначении каждого предмета. Но продавец сам задал вопрос Дане:

– Молодой человек что-нибудь выбрал? Или желает посмотреть что-нибудь особое? Чем увлекается юный отрок? В какой области познания лежит его чаяний и желаний?

От таких вопросов, заданных старинными и необычными в обыденной жизни словами, Даня несколько стушевался. Вопросы просто выпали из его головы, настолько неожиданными они были. Как будто он находился не рядом со своим домом, а в магической лавке доброго волшебника. На помощь пришла бабушка.

– Даня неплохо рисует. Можно даже сказать, что получше многих сверстников!

Бабушка сказала это с гордостью. Даня от такой похвалы заметно покраснел и скромно потупил взгляд.

– О! – воскликнул продавец. - Тогда у меня есть то, что вас заинтересует!

Небрежным движением откуда-то из рукава продавец достал лист белой бумаги. Взял с прилавка деревянный футляр, оказавшийся старинного вида пеналом.

Пенал представлял собой немаленькую деревянную коробочку, сделанную из цельного дерева и покрытую блестящим лаком. Вместо крышки сверху сквозь пазы была вставлена металлическая линейка из желтоватого металла. Внутри находились восемь уже заточенных карандашей. Выглядели карандаши весьма непривычно. Они были раза в два толще обычных. Не круглой и не гранённой, а овальной формы. Одинакового бордового цвета. Отличались только рисунком серебристой насечки да цветами грифеля – пишущей части. Цвета были, как и в радуге, очень яркими. Когда продавец нарисовал ими на чистом листе несколько полос, Даня просто поразились их яркости и насыщенности. Без напряжения зрения было видно, что от силы давления цвет меняется от бледного до тёмного оттенка, а жёлтый цвет был не просто жёлтым, а блестел как золотой. Такие цвета просто нереальны для обычных карандашей. Да и не каждый фломастер мог соперничать с такими карандашами.

Это заметила и бабушка. Она даже замахала руками и воскликнула:

– Какие яркие цвета! Наверное, краски применили жутко ядовитые! Эти карандаши явно не для детей! Они такие толстые!

– Не надо беспокоиться! Мальчик не будет грызть карандаши, как бобр! Тем более, насколько мне известно, большая часть наполнителя – это горный мёд и экстракты луговых цветов! В месте, где их изготовили, не потерпели бы свойственной здешним местам химии. Пусть парень попробует что-нибудь нарисовать! Увидим, по руке ли ему эти инструменты художника.

Даня неуверенно взял в руки протянутый ему волшебником Петровичем карандаш. Ощущения были весьма необычные. Карандаш был тяжелее обычного, это придавало ему дополнительный авторитет. Разница такая же, как между настоящей боевой саблей и игрушечной. Карандаш лёг в руку, как влитой. Овальная форма позволяла ухватисто и плотно держать карандаш в руке.

Когда Даня начал выводить на белом листе линии и простые фигуры, он понял, что лишь немного изменив наклон можно менять ширину получившихся линий. Вес карандаша позволял оставлять на бумаге чёткие следы, не прилагая особых усилий. В общем, раз взял в руки, расставаться с этим «волшебным» карандашом уже не хотелось. Оторвавшись от рисования, Даня взглянул бабушке в глаза с явным просительным, даже умоляющим выражением. Бабушка растаяла. Стала спрашивать про цену.

Нужно сказать, что продавец, увидевший интерес к товару, не стал этим пользоваться, и сам предложил снизить цену.

– Уважаемая матрона не должна волноваться за стоимость покупки! Вы мои первые покупатели за сегодня. И я отдам вам этот редкий и чудесный набор по цене футляра! Я вижу, что покупка пойдёт молодому человеку впрок. И готов подарить ему эти карандаши бесплатно!

Старик улыбнулся. Очевидно, что восторг Дани для него стал лучшей наградой, старик будто помолодел.

– Нет, мы не должны принимать подарки! Я вижу, что эти карандаши не дешёвая поделка, сделаны явно для профессиональных художников! – возразила бабушка и потянулась за кошельком.

Некоторое время продавец и покупательница обменивались купюрами. Дане показалось, что бабушка прямо-таки упрашивает старика взять деньги. Впрочем, мальчик не вслушивался в разговор взрослых, он с интересом рассматривал увесистую коробку. Ему стало интересно, где изготавливают такие необычные карандаши, но привычных букв и значков фирмы он не нашёл, только внизу на дне пенала виднелась витиеватая эмблема, изображавшая сказочного дракона, кусающего свой хвост. Даня только-только собрался спросить продавца, что означает эта эмблема, но тут бабушка потянула его за собой и торопливо затараторила, что она совсем забыла про тесто. «Оно уже, поди, поднялось! Да и кошки не кормлены! Пошли скорее домой!»

По дороге домой Даня спросил бабушку, почему она отказала продавцу в желании сделать покупку подарочной, ведь лишних денег нет. Бабушка была в настроении давать поучения и стала рассказывать.

– Понимаешь, Даня! Всё на свете имеет свою цену, любая вещь. Её кто-то создавал, вкладывал свои знания, время и материалы, из которых она сделана. Есть, конечно, добрые люди, которые готовы дарить

разные вещи, даже не на день рождения. Но когда ты принимаешь такие подарки, – ты как будто признаёшься, что не способен сам себя обеспечить всем необходимым. И ты становишься обязанным этому щедрому человеку. Получается, что ты становишься должен. А потом с тебя могут спросить. Всегда ли ты будешь в состоянии оплатить за оказанный подарок? Может быть, тебя попросят что-нибудь сделать во вред тебе или твоим близким, поэтому брать подарки и занимать в долг надо очень вдумчиво. Ну а про то, что детям нельзя брать подарки у незнакомцев, я тебе не раз говорила! Про это много страшилок рассказывают.

– Каких страшилок? – спросил Даня, у которого появилось жгучее желание услышать новую страшную историю, которую потом можно пересказать друзьям.

– В моём детстве много страшилок рассказывали про цыганок. По стране кочевали цыганские кибитки. Пестро одетые прилипчивые женщины-цыганки на улицах и площадях приставали к прохожим, чтобы погадать или выпросить милостыню. Рассказывали, что цыганки специально дарили детям блестящие безделушки, красивые ленточки, леденцы на палочке, потом выбирали самых красивых детей и предлагали им посмотреть на живого медведя, ходящего на задних лапах, или покататься на лошади. Кто из детей мог устоять против такого соблазна? Вот таких детей цыганки похищали и увозили далеко от дома.

– Они их что, съедали, что ли? – поразился Даня.

– Вроде бы нет. Это была бы совсем жуткая страшилка. Вроде как заставляли детей просить подаяния на улице и заставляли ухаживать за домашними животными. Правда это или нет, я сказать не берусь. Меня и никого из моих знакомых никто не похищал, но дыма без огня не бывает. Наверное, бывали такие случаи.

– Сейчас по телевизору уж очень много всякого страшного рассказывают. Есть всё-таки нехорошие люди, которые боятся взрослых, но легко могут обидеть ребёнка. Могут быть ласковыми, дарить игрушки, угощать лакомствами, обещать показать щенков или подарить котёнка, а потом, когда уведут в безлюдное место, легко могут причинить зло. В общем, не стоит доверять незнакомцам. Можно, конечно, обидеть настоящего доброго человека, но лучше не брать подарков и не ходить в гости без разрешения взрослых. Я вот не знаю, что со мной будет, если с тобой какое-нибудь горе приключится. Помру, наверное, сразу.

– Не переживай, бабушка! Не волнуйся! Я постараюсь в беду не попадать! Тем более у меня теперь такие карандаши есть, которых ни у кого во дворе нету! Буду дома рисовать!

Дома Даня почти несколько часов не расставался с карандашами, носил с собой пенал, выкладывал и складывал карандаши то на стол,

то обратно в пенал. Потом достал свои старые наиболее удачные рисунки и раскрашивал их новыми карандашами. И не мог нарадоваться. В наборе с карандашами имелась серебристая точилка, у которой с одной стороны была резинка, а с другой небольшое лезвие – подчищать бумагу. Следы карандашного грифеля на редкость легко ложились и местами выглядели как типографская краска.

Даня взял старый, нарисованный ещё летом рисунок своей дачи и обвёл новыми карандашами уже потускневшие краски. Выглядеть стало совсем нарядно. Дверь выглядела как настоящая. Даня закрыл глаза и представил, как было бы хорошо открыть дверь и оказаться на даче, а не тратить время на дорогу. Как только перед его мысленным взором сложилась эта картинка, карандаш в руке вдруг налился тяжестью, голова легко закружилась, и Даня услышал скрип. Этот скрип он никогда не забудет, именно так скрипит дверь на даче! Даня открыл глаза, он понял, что произошло чудо. Он на даче! Восторг настолько переполнил его, что он стал задыхаться от волнения. Тут его охватил страх, страх от неизведанного чувства. Даня испугался, что бабушка подумает, что он пропал из дома, начнёт его искать и заболает от переживаний.

Даня снова зажмурил глаза, представил свою комнату, крепче сжал волшебный карандаш. И открыл дверь. Он очутился в своей комнате. Мальчик видел самого себя исчезающего в лучах волшебного сияния, исходящего от рисунка дачного домика.

«Вот так фокус! – подумал Даня. – Что-то волшебные карандаши делают со временем! Вот я был в комнате, а потом переместился на дачу! И тут же вернулся, как будто не уходил! Ага, таким образом можно многое сделать! Фактически не уходя из дома! Сколько мест можно посетить через нарисованные волшебным карандашом двери? Много! А ведь тут явное сказочное волшебство! Эти карандаши оказались здесь прямоком из волшебного мира! Вот там-то никому без колдовства побывать не удастся! А смогу ли я туда попасть?»

Даня сел за стол и стал рисовать волшебными карандашами старинную волшебную дверь в сказочный мир. Чтобы точно попасть туда, куда нужно, он тщательно стал рисовать на этой двери ту самую эмблему с драконом, кусающим хвост, которую увидел на пенале с карандашами. . .

– Проходите, Александр Петрович! Я вас жду! – директор муниципального центра реабилитации и социальной адаптации для лиц с ограниченными возможностями открыл свой кабинет и пригласил гостя зайти.

Мужчина непримечательной внешности, неопределённого среднего возраста, кивнул, зашёл в кабинет и несколько скованно сел на ближайший к выходу стул. Увидевший неуверенность гостя директор поспешил

закрыть дверь и подсесть к визитёру поближе. Он считал себя опытным психологом и решил сразу подбодрить гостя.

– Александр Петрович! Я могу вас официально поздравить с первыми успехами! Ваша программа просто делает чудеса!

– Неудивительно... Она же называется «Сказка рядом», – ответил собеседник, улыбнулся и вновь попытался вернуть отрешимость на своём лице.

– Если бы вы знали, Александр Петрович, сколько мы делали попыток помочь нашему воспитаннику Даниилу Штейхману до вас и какие мизерные результаты мы имели, вы бы так не шутили! У мальчика был тяжёлый случай: врождённое отставание в развитии, проявления аутизма, вдобавок ко всему – он потерял родителей. Ваша программа продвинула его в социализации больше, чем весь штат наших психологов! Я читал все технические описания вашего устройства, отзывы специалистов, но так и не понял, как оно работает? Этот чип «контролёр» – это подключение к альтернативной реальности или просто стимулятор мозговой деятельности? Или подарок инопланетян? Ребёнок снова начал говорить! Коррекция психотравмы просто молниеносная! Это прорыв! Мне нужна откровенность! Я предлагаю расширить контрольную группу максимально! Мне нужны понятные подробности о принципе работы, а не куча технических малопонятных данных и таблиц о синапсах мозга!

– В нашей «конторе» этот чип называли «пастух», военную модификацию – «поводырь». Надеюсь, вы знаете, где я раньше трудился, надо ли мне рассказывать о всяких подписках?

Выражение лица директора центра приобрело совершенно иное выражение, мягко говоря, его можно назвать озадаченным.

– Это что, прототип того самого мифического «пси-оружия», о котором столько скандалили зарубежные СМИ? Но дети... это же... – директор опешил, весь план разговора обрушился в неизведанную тьму.

– Я не собираюсь приказывать детям самоубиваться или взрывать других в метро. Я просто хочу снять с себя груз. 12 лет я делал то, что надо государству, теперь хочу сделать то, что надо его жителям. Не удивляйтесь, если вам про меня расскажут, что я сумасшедший. Почему современные нейросистемы должны только указывать расстояния до объектов, рассчитывать уязвимые зоны, подсказывать мощность взрывчатки и вектор уклонения от зенитного огня? Почему 12 лет как отработанные технологии используют только для убийства или защиты тушек политиков? Удивительное рядом, но... иногда мне кажется, что лучше бы я не совершал открытий. У меня почти 400 патентов, но только «Сказка рядом» меня успокаивает, что я не

Доктор Зло. «Сказка рядом» – это просто дополнительная реальность и стимуляция обучения. Только вместо сержанта-инструктора, помощник – «Бабушка», а вместо обучения во сне диверсионным навыкам дети как бы путешествуют в сказку, хотя архитектура процессов там одинаковая.

– Почему тогда эту военную технологию разрешили испытать тут, да ещё и на детях? – поразился хозяин кабинета.

– Испытать? Технология не то что испытана, она уже в 5-й модификации почти 9 лет используется! Просто я хочу, что если уже там, наверху, решили всех превратить в биороботов, то пусть дети получают хотя бы детство и сказку! Боевые программы включатся, когда надо, если это «надо» наступит! Хотя надеюсь, оно не наступит никогда! Вы меня извините за мою импульсивность, мне уже пора. На комбинате «Варрез» опять проблемы с массовым выпуском оборудования, а массовая «вакцинация» уже анонсирована на пятницу. Рад был к вам зайти, хоть на детей посмотрел. Вы знаете, когда я последний раз видел свою дочку? Я уже плохо помню. Хочу ей купить эти карандаши... Они фантазию и моторику развивают... Я прав?

Содержание

Список авторов	3
Решение жюри.....	4
Результаты голосования на приз читательских симпатий.....	4
Татьяна ПОПОВА	
Гнездо.....	5
Нина ЛЕВИНА	
Специалист по мифологии	11
Сергей Белая	
Кракен	22
Наталья РЕЗНИЧЕНКО	
Таёжная история	28
Светлана КУЗЬЯЕВА	
Абсолютное счастье.....	34
Дмитрий СЕМЁНОВ	
Сказка рядом.....	47

Литературно-художественное издание

Удивительное рядом, но...

Конкурс КЛФ «Контакт»

*Вёрстка, корректура, ответственный за выпуск –
Калашников Н.Н.*

На первой странице обложки – рисунок из интернета.



Издательство «Ник без Компані»